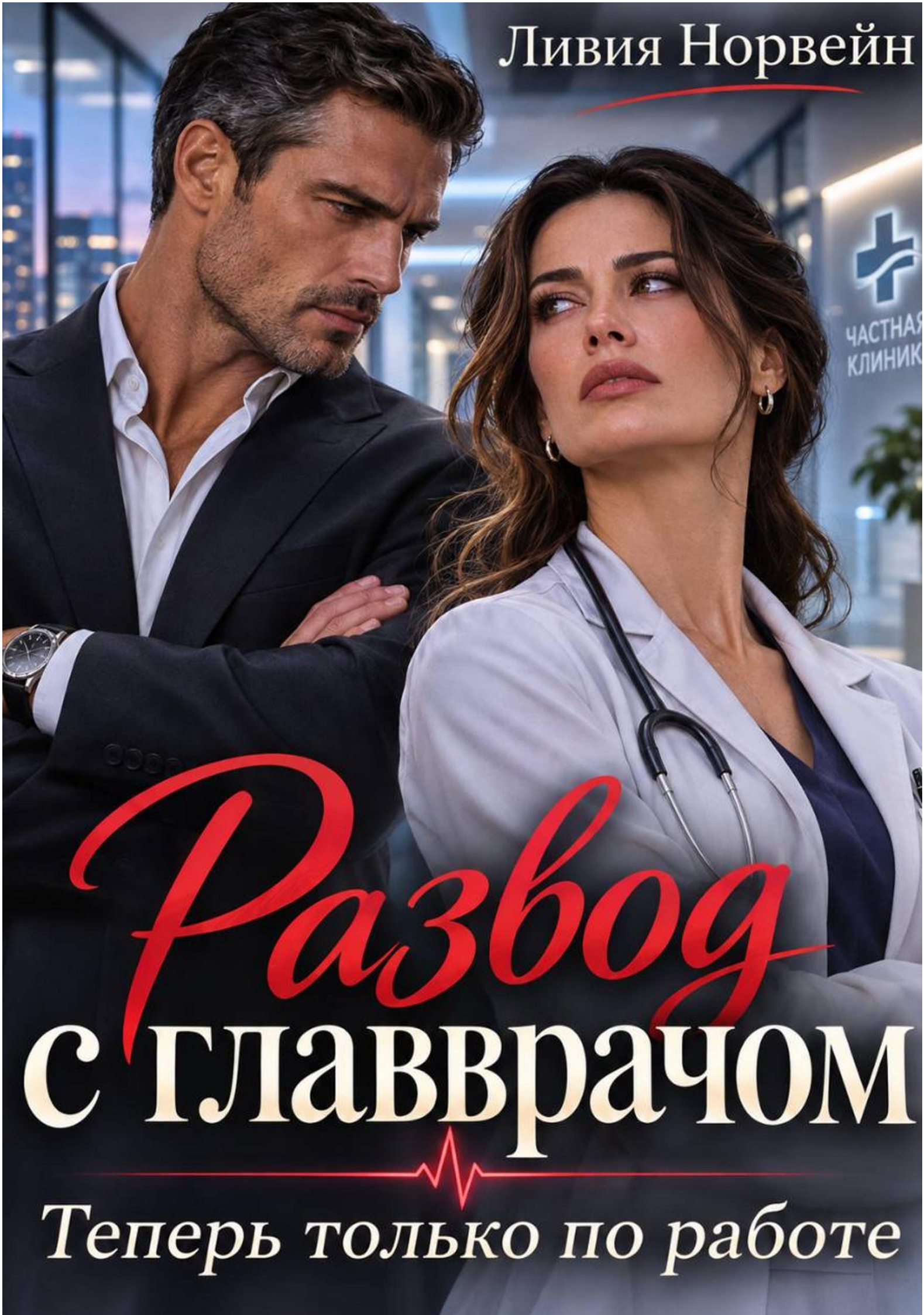

Ливия Норвейн
ЧАСТНАЯ
КЛИНИК
Развод
с главврачом
Теперь только по работе

Ливия Норвейн

Развод с главврачом. Теперь только по работе

«Автор»
2026

Норвейн Л.

Развод с главврачом. Теперь только по работе / Л. Норвейн — «Автор», 2026

Пока я защищала перед коллегами проект, в который вложила два года жизни, мой муж проводил вечер с любовницей.Илья Ланской — главный врач нашей клиники. Десять лет я была его женой. А последние три месяца он изменял мне с женщиной, которая каждый день здоровалась со мной в коридоре.— Я все исправлю, Марин. Только не уходи.Но я подала на развод.Квартиру мы продадим. Фамилию я верну. А вот любимую работу ему не отдам!Теперь мой бывший муж — мой начальник. Мы ежедневно встречаемся в клинике, а он вдруг начинает добиваться меня снова.И самое страшное — я до сих пор хочу его поцеловать.Но когда мне предлагают престижную должность в Москве, Илья пытается удержать меня, даже не спросив, чего хочу я.Он привык получать все, что пожелает. Только теперь я не собираюсь быть удобной женой.Если он хочет второго шанса, ему придется научиться меня отпускать.

© Норвейн Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. После планерки 5
Глава 2. Мое рабочее место 28
Глава 3. На общих основаниях 55
Конец ознакомительного фрагмента. 77

Ливия Норвейн
Развод с главврачом.
Теперь только по работе

Глава 1. После планерки

В то утро муж спросил, не видела ли я его темно-синий галстук.

Я стояла у кофемашины, ждала, пока наполнится чашка, и пыталась вспомнить, отправила ли Инне исправленную таблицу по нагрузке врачей.

— На спинке стула в спальне, — ответила я.

— Там серый.

— Значит, в гардеробной. На второй полке справа.

Илья появился на кухне через минуту, уже застегивая рубашку. Галстук висел у него на шее, пока еще незавязанный. Он наклонился, поцеловал меня в висок и потянулся к кофейнику.

— Сегодня не задерживайся, ладно?

Я посмотрела на часы.

— У меня в пять встреча с Инной. Мы должны окончательно согласовать расширение программы.

— Перенесите.

— Илья, мы ее уже два раза переносили.

Он налил себе кофе и только после этого повернулся ко мне.

— Я просто хотел поужинать с женой.

Сказано было спокойно. Даже ласково. И все же я почувствовала привычное раздражение.

— Тогда спроси, когда я свободна, и мы договоримся.

Он улыбнулся.

— Хорошо. Когда ты свободна?

— В пятницу.

— В пятницу я, кажется, лечу в Москву.

— Вот видишь.

Он вздохнул, сделал глоток и посмотрел на меня поверх чашки.

— Мы с тобой скоро начнем записываться друг к другу на прием.

Я рассмеялась.

Не потому, что шутка была особенно удачной. Просто за десять лет брака мы привыкли сглаживать такие разговоры смехом. Он улыбался, я переставала сердиться, и через несколько минут казалось, что никакого разногласия не было.

Илья подошел ко мне сзади, обнял за талию.

— Давай хотя бы в воскресенье выберемся куда-нибудь.

— Давай.

— Я закажу столик.

— Только не на восемь утра, как в прошлый раз.

Он засмеялся мне в волосы.

— Это был завтрак, Марин.

— Воскресный завтрак в восемь утра — преступление против семьи.

Он поцеловал меня в шею.

Я повернула голову, собираясь ответить, но телефон на столе завибрировал. На экране высветилось имя Инны.

Вопрос по таблице.

Я высвободилась из объятий и открыла сообщение.

Илья постоял рядом еще несколько секунд, потом забрал свою чашку.

— Увидимся на планерке.

— Увидимся.

Он вышел из кухни.

Я допила кофе, ответила Инне, проверила рабочую сумку и только в лифте вспомнила, что муж так и не завязал галстук при мне.

Ничего особенного.

Самое обыкновенное утро.

Позднее я много раз возвращалась к нему в памяти. Искала странность в его голосе, взгляде, прикосновении. Хотела понять, можно ли было догадаться.

Но Илья вел себя так же, как всегда.

Именно это оказалось самым мучительным.

Клиника «Контур» занимала два корпуса недалеко от центра Ярославля. В первом располагались амбулаторные отделения, диагностика и административные кабинеты. Во втором — стационар, операционные и отделение послеоперационного наблюдения.

Я работала здесь одиннадцать лет.

Пришла молодым кардиологом, еще не привыкшим уверенно произносить собственное имя перед пациентами. Теперь у меня были постоянные больные, сложные случаи, коллеги, которым я доверяла, и программа кардиореабилитации, которую мы с командой два года пытались превратить из хорошей идеи в работающую систему.

Последние девять месяцев она существовала как пилотный проект.

И теперь мы собирались ее расширять.

Я пришла на планерку за пять минут до начала.

Инна Белова уже сидела у окна, просматривая документы. Она подняла голову, увидела меня и постучала пальцем по распечатанной таблице.

— Марина Юрьевна, вы вечерние часы посчитали?

— Да. Отправила исправленный вариант.

— Видела. По медсестрам еще вопросы.

— Обсудим после совещания.

— Обязательно.

Я села рядом.

С другой стороны стола Ольга Туманова рассказывала заведующему диагностикой, почему нельзя записывать пациентов на занятия по принципу «там вроде есть свободное время».

— У нас люди после инфаркта, — говорила она. — Они не обязаны подстраивать всю жизнь под ваше свободное окно. У них работа, семьи, дорога. Хотим, чтобы приходили регулярно, значит, расписание должно быть удобным не только нам.

— Ольга Денисовна, я вас услышал.

— Это замечательно. Осталось, чтобы вы меня еще и поняли.

Я улыбнулась.

Ольга была моей подругой уже много лет. В отделение реабилитации она пришла позже меня, но быстро стала человеком, которому можно было доверить и пациента, и ключи от квартиры.

Она заметила мою улыбку и подмигнула.

Дверь открылась.

Илья вошел вместе с генеральным директором Денисом Аркадьевичем Ракитиным.

Разговоры стихли.

Я видела мужа каждый день и дома, и на работе, но эти два Ильи не вполне совпадали.

Дома он мог полчаса искать очки, которые оставил в холодильнике рядом с пакетом молока. Мог уснуть на диване под фильм, который сам выбрал. Мог спорить со мной из-за того, сколько чеснока нужно класть в пасту.

На работе он редко повышал голос. Ему хватало посмотреть на человека и дождаться ответа.

Высокий, широкоплечий, с темными волосами, в которых у висков уже появилась седина. Белый халат он надевал по необходимости, предпочитая на административных совещаниях рубашки с закатанными рукавами.

Когда-то мне казалось невероятным, что такой мужчина смотрит на меня с интересом.

Теперь он был моим мужем.

И главным врачом.

— Доброе утро, коллеги, — сказал Илья, занимая место во главе стола. — Начнем.

Совещание заняло сорок минут.

Обсуждали графики, оборудование, два перенесенных исследования, нехватку времени у специалистов и подготовку к очередной проверке документации.

Когда дошли до кардиореабилитации, я открыла свою папку.

— Мы можем увеличить количество участников программы, если разделим занятия по времени и пересмотрим нагрузку координаторов.

Инна кивнула.

— Но нам нужно точнее рассчитать часы сотрудников.

— Я подготовила два варианта.

Илья внимательно посмотрел на меня.

— Окончательный расчет сегодня будет?

— После встречи с Инной.

— Хорошо. Представьте мне согласованный документ.

Обычный рабочий разговор.

Ни одной лишней интонации.

В конце совещания Ракитин попросил заведующих не затягивать с заявками на оборудование. Люди начали собирать бумаги.

Я уже закрывала папку, когда Илья произнес:

— Марина Юрьевна, останьтесь, пожалуйста. Нужно поговорить.

Я остановилась.

Инна вопросительно посмотрела на меня.

— Наверное, по расширению, — сказала я.

Она кивнула и вышла.

Последней задержалась Ольга.

— Увидимся после первого приема?

— Да.

Дверь закрылась.

Мы остались вдвоем.

Я придвинула папку ближе и достала лист с расчетами.

— Если по программе, то у нас еще нет окончательных цифр. Я не хочу обещать Ракитину то, что потом не сможем обеспечить.

Илья не ответил.

Он стоял у окна, повернувшись ко мне спиной.

— Илья?

— Закрой папку, Марин.

Я подняла глаза.

— Что?

— Это не по работе.

Мне не понравилось, как он это сказал.

Тихо.

Без привычной уверенности.

Я закрыла папку.

— Что случилось?

Он повернулся.

На его лице было выражение, которого я прежде не видела. Не растерянность, не злость. Скорее усталость человека, который давно не спал и теперь вынужден делать что-то неприятное.

— Сядь, пожалуйста.

— Я уже сижу.

Он посмотрел на стул подо мной, словно только сейчас заметил это.

И почему-то именно тогда я испугалась.

Не за наш брак.

Я подумала о его матери, о своих родителях, о больнице. О чем угодно, кроме того, что собиралась услышать.

— Кто-то заболел?

— Нет.

— Тогда говори.

Он провел ладонью по лицу.

— Марин, я должен тебе кое в чем признаться.

Я молчала.

Илья посмотрел на дверь, затем снова на меня.

— У меня была другая женщина.

Я услышала слова.

Все пять.

Поняла их значение.

Но какое-то время не могла соединить их с человеком, который стоял передо мной.

— Что значит была?

Он медленно выдохнул.

— Я тебе изменил.

За стеной кто-то засмеялся.

Громко, по-настоящему весело.

Я повернула голову на звук.

Очень странно было слышать смех в тот момент, когда собственная жизнь вдруг перестала быть понятной.

— Когда? — спросила я.

— Марин...

— Когда, Илья?

— Это продолжалось три месяца.

Я посмотрела на календарь, висевший рядом с дверью.

Сентябрь.

Три месяца.

Июнь. Июль. Август.

Летом мы ездили к моим родителям. Он помогал отцу чинить старую беседку и ругался, потому что тот отказывался выбрасывать прогнившие доски.

В июле мы выбирали плитку для ванной.

В августе отмечали десятую годовщину свадьбы.

Он подарил мне серьги.

Я вспомнила, как открывала коробочку в ресторане и смеялась, потому что сначала приняла ее за футляр от запонок.

— Три месяца, — повторила я.

— Да.

— И все это время ты жил со мной?

Он опустил взгляд.

— Да.

Я перевела глаза на его руку.

Обручальное кольцо было на месте.

— Кто она?

— Это не имеет значения.

Я посмотрела ему в лицо.

— Для кого?

— Марина, я понимаю...

— Кто она?

Он помолчал.

— Елена Климова.

Мне показалось, что я ослышалась.

— Наш врач УЗИ?

Илья кивнул.

Я сидела неподвижно.

Елена Климова.

Тридцать два года. Светлые волосы, всегда аккуратный маникюр, приятный голос. Она работала у нас второй год.

Неделю назад мы столкнулись у кофемашины. Елена пожаловалась на неудобное расписание и спросила, не собираюсь ли я брать отпуск.

Я ответила, что пока не знаю.

Она улыбнулась.

Я тоже.

— Ты спал с Климовой? — спросила я.

Илья вздрогнул.

— Марин, не надо...

— Почему? Тебе неприятно это слышать?

— Я не хочу делать тебе еще больнее.

Мне вдруг стало трудно дышать.

Не потому, что не хватало воздуха. Воздуха было достаточно. Просто каждое движение грудной клетки приходилось делать сознательно.

— Ты уже сделал.

Он шагнул ко мне.

Я подняла руку.

— Не подходи.

Илья остановился.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга.

Потом он произнес:

— Я закончил эти отношения.

— Когда?

— Сегодня.

Я медленно кивнула.

— Понятно.

— Я сказал ей, что между нами все кончено.

— Сегодня, — повторила я.

— Да.

— А вчера?

Он не ответил.

Мне захотелось встать, но ноги словно перестали принадлежать мне.

Я положила обе ладони на стол.

— Ты любишь ее?

— Нет.

Ответ прозвучал быстро.

Слишком быстро для человека, который несколько минут собирался с силами, чтобы сказать правду.

— Тогда зачем?

Он потер переносицу.

— Я не знаю, как тебе объяснить.

— Попробуй.

Илья отодвинул стул и сел напротив.

— Последние месяцы у нас с тобой все было сложно.

Я посмотрела на него.

— У нас?

— Я не обвиняю тебя. Просто мы почти не виделись. Ты постоянно занималась программой. Я работал. Дома мы обсуждали только клинику.

— И поэтому ты начал спать с Климовой?

— Я не сказал «поэтому».

— Ты только что это сказал.

Он сжал губы.

— Нет. Я пытаюсь объяснить, как все произошло.

— Объясни.

Илья помолчал.

— Сначала мы просто разговаривали. После одного мероприятия задержались вместе. Потом начали переписываться.

— О чем?

— О разном.

— Очень содержательно.

— Марина...

— О чем она с тобой разговаривала, Илья? О том, как ты устал? Как тебя никто не понимает? Как трудно руководить клиникой?

Он отвел глаза.

И мне стало ясно, что я попала достаточно близко.

Внутри что-то холодно сжалось.

— А дома ты не мог поговорить со мной?

— Мог.

— Я бы не поняла?

— Ты бы поняла.

— Тогда в чем дело?

Он долго молчал.

— Мне нравилось, что рядом с ней все было проще.

Я смотрела на мужа и пыталась найти в этих словах хоть какую-то мысль, которая помогла бы мне удержаться.

Проще.

Десять лет нашего брака уместились в одно слово.

С другой женщиной ему было проще.

Она не знала, сколько ему нужно спать после тяжелой недели. Не напоминала, что он обещал позвонить матери. Не спрашивала, почему он опять перенес наш ужин.

Ей не нужно было обсуждать ремонт, коммунальные платежи, отпуск и продукты.

Она получала мужчину, который приходил тогда, когда ему хотелось.

А мне доставалось все остальное.

— Знаешь, что самое смешное? — спросила я.

Он поднял голову.

— Последние три месяца я думала, что ты просто устал. Я старалась лишний раз тебя не трогать. Даже когда мне хотелось поговорить.

Илья ничего не сказал.

— Получается, я сама освобождала тебе время.

— Это не так.

— А как?

— Ты не виновата.

— Я не спрашивала, виновата ли я.

Он посмотрел на меня с такой болью, что в другое время я бы немедленно потянулась к нему.

И это напугало меня еще сильнее.

Даже сейчас, когда он только что признался в измене, какая-то привычная часть меня хотела облегчить ему разговор.

Сказать, что все будет хорошо.

Попросить не расстраиваться.

Обнять.

Я крепче сжала край стола.

— Зачем ты мне рассказал?

Илья выпрямился.

— Потому что должен был.

— Почему именно сегодня?

Он замолчал.

Я ждала.

— Я не мог больше продолжать лгать.

Я смотрела на него и понимала, что это не ответ.

Не полный, во всяком случае.

— Ты хотел уйти к ней?

— Нет.

— Она хотела, чтобы ты ушел?

— Марин, это уже неважно. Я не собираюсь разрушать нашу семью.

Я опустила глаза на собственные руки.

— Ты правда считаешь, что это еще можно решать?

— Что именно?

— Разрушать или не разрушать.

Он резко выдохнул.

— Я понимаю, что ты сейчас чувствуешь.

— Нет.

— Марина...

— Не говори, что понимаешь.

Он замолчал.

Я поднялась.

На этот раз ноги держали.

— Мне нужно выйти.

Илья тоже встал.

— Давай поговорим спокойно.

— Я сейчас очень спокойно говорю.

— Я вижу, как тебе тяжело. Поэтому и прошу не принимать никаких решений сразу.

Я взяла папку.

Почему-то было важно не забыть ее.

Там находились таблицы, замечания Инны, расчеты, которые я переделывала до полуночи.

Вчера это казалось главным делом недели.

— Мне нужно идти.

— Я отвезу тебя домой.

— Нет.

— Ты в таком состоянии...

Я остановилась у двери.

— В каком состоянии, Илья?

Он ничего не ответил.

— Ты сейчас мой муж или главный врач?

— Я твой муж.

— Тогда перестань распоряжаться мной.

Я открыла дверь и вышла.

До своего кабинета я дошла, ни с кем не заговорив.

Закрыла дверь.

Положила папку на стол.

И только потом заметила, что дрожат руки.

На телефоне было три сообщения от пациентов через регистратуру, напоминание о согласовании расписания и письмо из бухгалтерии.

Обычная рабочая жизнь продолжалась.

В одиннадцать у меня был прием мужчины с артериальной гипертензией, которого я наблюдала несколько лет. В половине двенадцатого — повторная консультация после обследования.

Я открыла электронную карту первого пациента.

Прочитала фамилию.

Потом еще раз.

Слова не складывались в смысл.

Я закрыла программу.

Посидела немного, пытаясь восстановить дыхание.

Не получилось.

Тогда набрала Инну.

Она ответила после второго гудка.

— Марина Юрьевна?

— Инна Валерьевна, мне нужно отменить сегодняшний прием.

Пауза.

— Что случилось?

— Личные обстоятельства.

Она не стала расспрашивать.

— Вы можете работать?

Я посмотрела на открытый календарь.

— Нет.

— Хорошо. Я организую перенос записей и найду, кому передать срочные вопросы. По программе сегодня без вас разберемся. Вам нужна помощь?

Мне хотелось сказать, что не нужна.

Что я взрослая женщина и способна справиться.

Вместо этого я ответила:

— Пока не знаю.

— Если потребуется, позвоните. И не пытайтесь сейчас возвращаться к пациентам из чувства долга.

— Спасибо.

Я завершила разговор.

Через минуту телефон завибрировал снова.

Илья.

Я смотрела на экран, пока звонок не прекратился.

Потом пришло сообщение.

«Марин, пожалуйста, не уезжай одна. Я могу все объяснить».

Я перечитала его несколько раз.

Все объяснить.

Мне хотелось спросить, какой именно части объяснения не хватило.

Трех месяцев?

Имени женщины?

Признания, что с ней ему было проще?

Я открыла переписку с Ольгой.

«Ты можешь зайти ко мне, когда освободишься?»

Ответ пришел почти сразу.

«Через десять минут. Что случилось?»

«Потом».

Я положила телефон экраном вниз.

И вдруг вспомнила вчерашний вечер.

Илья приехал около десяти.

Я сидела на кухне с ноутбуком и сверяла таблицу. Он подошел, посмотрел мне через плечо.

— Ты опять работаешь?

— Немного осталось.

— Иди спать. Утром закончишь.

Я сказала, что хочу доделать сейчас.

Он положил ладонь мне на плечо, наклонился и поцеловал в макушку.

Потом пошел в душ.

Я слышала, как он напевал что-то в ванной.

Пыталась вспомнить песню, но не смогла.

Вчера мне было приятно от его прикосновения.

Сегодня я думала о том, что совсем недавно эта же рука касалась другой женщины.

Меня затошнило.

Я успела дойти до раковины.

Несколько минут стояла, опираясь на холодный край столешницы. Потом умылась, вытерла лицо бумажным полотенцем и посмотрела в зеркало.

Ничего особенного со мной не произошло снаружи.

Темно-русые волосы, собранные в низкий хвост.

Серые тени под глазами после очередной короткой ночи.

Та же женщина, которая сегодня утром спорила с мужем о воскресном завтраке.

Только теперь я знала, что он спал с Еленой Климовой.

Я повторила ее имя про себя.

Попыталась представить их вместе.

И остановила себя.

Не потому, что простила.

Просто поняла, что могу провести за этим занятием весь день и от каждой придуманной подробности мне будет становиться хуже.

В дверь постучали.

— Марин?

Ольга.

Я открыла.

Она посмотрела на меня, вошла и сразу закрыла дверь.

— Что произошло?

Я попыталась ответить.

Получилось со второго раза.

— Илья мне изменил.

Ольга замерла.

Потом медленно поставила на стол стакан воды, который принесла с собой.

— Что?

— С Климовой.

Она смотрела на меня несколько секунд.

— С Еленой?

Я кивнула.

Ольга тихо выругалась.

Она редко позволяла себе такие слова на работе.

— Ты уверена?

— Он сам сказал.

— Господи.

Она придвинула ко мне стул, но не заставила садиться.

— Когда?

— Три месяца. Сказал сегодня утром. После планерки.

Ольга закрыла глаза.

— Поэтому он тебя оставил.

— Да.

— Я думала, опять по программе.

— Я тоже.

Она помолчала.

— Что ты собираешься делать?

Я посмотрела на подругу.

Хороший вопрос.

Я могла перечислить показания к обследованию, объяснить пациенту, почему нужно принимать препараты регулярно, составить план наблюдения на месяцы вперед.

А теперь не знала, что делать ближайшие два часа.

— Мне надо забрать вещи.

— Из дома?

— Да.

Ольга кивнула.

— Я отвезу.

— У тебя приемы.

— Последний перенесен на завтра. К трем освобожусь.

— Не нужно из-за меня...

— Марина.

Она произнесла мое имя строго.

Я замолчала.

— Ты сегодня одна никуда не поедешь. Я тебя отвезу, помогу собрать необходимое. Потом решим, где ты ночуешь.

— Я могу поехать к родителям.

— Можешь. Или ко мне. Как захочешь.

Я кивнула.

— Спасибо.

Ольга подошла и обняла меня.

И я наконец заплакала.

Не громко.

Не так, как плачут в кино, закрывая лицо руками.

Я стояла посреди кабинета, прижимаясь лбом к ее плечу, и чувствовала, как мокнет воротник ее блузки.

— Десять лет, Оль.

— Я знаю.

— Десять лет.

Она гладила меня по спине.

— Знаю, Марин.

— Я же не думала...

Фразу я не закончила.

Ольга тоже ничего не сказала.

За это я была ей особенно благодарна.

Мы выехали из клиники после трех.

Ольга вела машину. Я сидела рядом и смотрела в окно.

Ярославль жил обычной сентябрьской жизнью.

Возле остановки женщина пыталась удержать за руку маленького мальчика, который тянулся к голубям. У цветочного киоска мужчина выбирал букет. На перекрестке два водителя спорили через открытые окна.

Меня раздражало, что люди продолжают заниматься своими делами.

Потом я почувствовала стыд за это раздражение.

Они ни в чем не были виноваты.

— Куда поедем? — спросила Ольга.

Я назвала наш адрес.

— Илья дома?

— Не знаю.

— Хочешь, я зайду с тобой?

— Да.

Она коротко взглянула на меня.

— Конечно.

Мы остановились возле дома.

Я несколько секунд смотрела на знакомый подъезд.

Здесь мы прожили почти семь лет.

Покупали квартиру вместе. Выбирали кухню, спорили о цвете стен, ругались с рабочими из-за неправильно установленной двери.

Илья хотел темный паркет.

Я — светлый.

Победил светлый, потому что он однажды посмотрел на меня и сказал:

— Ты все равно не успокоишься, пока не будет по-твоему.

Я тогда рассмеялась и поцеловала его.

Воспоминание было таким отчетливым, что я даже почувствовала запах свежей краски.

— Марин?

Я вздрогнула.

Ольга выключила двигатель.

— Если не хочешь сейчас заходить, поехали ко мне. За вещами можно вернуться завтра.

Я покачала головой.

— Нет. Я хочу сегодня.

Мы поднялись на восьмой этаж.

Я открыла дверь своим ключом.

В прихожей стояли туфли Ильи.

Он был дома.

Я остановилась.

Из кухни доносился звук воды.

Илья вышел в коридор через несколько секунд.

Увидел меня.

Потом Ольгу.

Лицо его изменилось.

— Марина...

— Я за вещами.

Он посмотрел на Ольгу.

— Ольга Денисовна, здравствуйте.

— Здравствуйте, Илья Андреевич.

Разговаривали они так, словно встретились на работе.

Это было почти невыносимо.

Я прошла в спальню, достала из гардеробной небольшой чемодан и поставила его на кровать.

Ольга вошла следом.

— Что складывать?

— Я сама.

Она кивнула.

— Тогда я буду на кухне.

— Не надо. Побудь здесь.

— Хорошо.

Я открыла шкаф.

Рубашки.

Джинсы.

Белье.

Домашняя одежда.

Все лежало на привычных местах.

Мои вещи рядом с его вещами.

Белая рубашка Ильи, которую я гладила в воскресенье.

Мой темно-синий кардиган, купленный по дороге с конференции.

Его спортивная толстовка.

Моя пижама.

Я достала пижаму и почему-то задержала ее в руках.

— Марин, тебе на несколько дней или побольше? — осторожно спросила Ольга.

Я посмотрела на чемодан.

— Не знаю.

Она не стала торопить.

Я положила пижаму на кровать.

Взяла еще одну.

Потом убрала первую обратно.

Смешно.

Муж изменял мне три месяца, а я не могла решить, какую одежду взять.

Ольга молча открыла второй отдел чемодана.

— Сложи пока самое необходимое. Остальное заберешь потом.

Я кивнула.

Мы собрали одежду, документы, лекарства, зарядные устройства и косметику.

Я положила в сумку рабочий ноутбук, несколько тетрадей и книгу, которую читала перед сном.

Потом подошла к комоду.

Там стояла фотография.

Мы с Ильей на берегу Волги, в день нашей свадьбы.

Мне двадцать семь.

Ему тридцать четыре.

Я смеюсь, запрокинув голову, а он смотрит на меня, не замечая фотографа.

Я взяла рамку.

Помнила тот момент.

Ветер постоянно бросал волосы мне на лицо. Илья пытался поправить их, но делал только хуже.

— Ты испортишь мне всю прическу, — сказала я.

— А ты уверена, что хочешь именно за меня замуж?

— Уже поздно сомневаться.

Он вдруг стал серьезным.

— Для меня никогда не будет поздно тебя выбрать.

Тогда эта фраза показалась мне прекрасной.

Я смотрела на фотографию и пыталась понять, когда мужчина, который ее произнес, начал жить другой жизнью.

— Марин, — тихо позвала Ольга.

Я поставила рамку обратно.

— Все нормально.

Она не стала спорить.

В дверь спальни негромко постучали.

— Можно?

Илья.

Я повернулась.

Он стоял на пороге, уже без галстука. Рукава рубашки были закатаны.

— Нам надо поговорить, — сказал он.

— Мы разговаривали.

— Недостаточно.

Ольга посмотрела на меня.

— Я могу выйти.

Я хотела попросить ее остаться.

Но понимала, что этот разговор все равно придется провести.

— Подожди, пожалуйста, на кухне.

Она кивнула и вышла.

Илья пропустил ее, затем вошел в спальню.

Увидел открытый чемодан.

— Ты серьезно собираешься уехать?

Я посмотрела на него.

— А ты думал, я останусь?

— Я не знаю, что ты собираешься делать. Ты не отвечаешь на звонки.

— Мне нечего было сказать.

— Марин, я понимаю, что причинил тебе боль.

Я отвернулась к шкафу.

— Пожалуйста, не начинай снова с этого.

— А с чего мне начать?

Я резко повернулась.

— Может быть, с правды?

Он замолчал.

— Только не той, которую тебе удобно рассказывать. Не про то, как мы устали, как много работали и как с другой женщиной тебе было проще. А про то, как ты каждое утро смотрел мне в глаза.

Илья опустил руки.

— Я тебе не врал каждую минуту.

Мне показалось, что я сейчас рассмеюсь.

— Это должно меня утешить?

— Я не это имел в виду.

— А что?

Он провел ладонью по волосам.

— Я не переставал тебя любить.

Я смотрела на него.

— Ты понимаешь, как это звучит?

— Понимаю.

— Нет, Илья. Не понимаешь. Ты говоришь, что любил меня, пока встречался с Климовой. Значит, для тебя любовь вполне совместима с тем, чтобы три месяца обманывать жену.

Он шагнул ближе.

— Это была ошибка.

— Ошибка — забыть выключить свет. Или перепутать дату встречи. А ты три месяца принимал решения.

Он остановился.

— Я знаю.

— Ты договаривался с ней. Придумывал, что сказать мне. Возвращался домой. Ложился рядом со мной.

Голос сорвался.

Я сжала губы.

Илья стоял неподвижно.

— Я виноват, — сказал он наконец. — Полностью. Я не пытаюсь переложить это на тебя.

— Но хочешь, чтобы я осталась.

— Да.

Он ответил сразу.

— Очень хочу.

Я отвернулась.

Положила в чемодан сложенную кофту.

Илья подошел к кровати, но не прикоснулся ко мне.

— Давай возьмем отпуск.

Я медленно подняла голову.

— Что?

— Хотя бы неделю. Уедем из города. Поговорим нормально, без клиники, звонков, постоянных дел. Я все организую.

Я смотрела на него.

— Ты сейчас предлагаешь мне отпуск?

— Я предлагаю нам время.

— Чтобы что?

— Чтобы разобраться. У нас десять лет брака, Марин. Мы не чужие люди. Я не хочу терять тебя из-за того, что натворил.

В груди опять стало больно.

Потому что он был прав в одном.

Мы не были чужими.

Я знала его привычки, слабости, любимую еду, запах кожи после душа. Знала, как он морщится, когда у него болит голова, и как терпеть не может, когда кто-нибудь разговаривает во время фильма.

Я помнила, как он ухаживал за мной, когда я заболела гриппом. Как сидел рядом с моим отцом в больнице после операции. Как однажды посреди ночи поехал через весь город за лекарством для моей матери.

Все это было настоящим.

И измена тоже.

Два несовместимых знания существовали рядом, и я не понимала, как с ними жить.

— Ты помнишь нашу первую квартиру? — спросила я.

Илья удивленно посмотрел на меня.

— Конечно.

— На кухне был ужасный стол. С одной короткой ножкой.

Он невольно улыбнулся.

— Мы подкладывали под нее журнал.

— А потом ты обещал купить новый.

— И купил.

— Через полгода.

— Потому что ты никак не могла выбрать.

Я почувствовала, что тоже почти улыбаюсь.

Это было мучительно.

На секунду мы снова оказались теми людьми, которые умели смеяться вместе.

Илья заметил мое выражение.

В его глазах появилась надежда.

Он потянулся ко мне.

Я отступила.

Улыбка исчезла.

— Не надо.

Он опустил руку.

Я закрыла чемодан, но не застегнула молнию.

— Когда мы жили в той квартире, я думала, что мы можем пережить что угодно. Денег было не так много, ты постоянно дежурил, я брала дополнительные приемы. Мы часто ругались из-за ерунды. Но я ни разу не сомневалась, что мы на одной стороне.

— Мы и сейчас...

— Нет.

Он замолчал.

— Сейчас я даже не знаю, когда ты перестал быть на моей стороне.

Илья несколько секунд смотрел на меня.

— Я хочу все исправить.

— Ты не можешь сделать так, чтобы этого не было.

— Не могу. Но могу сделать все, чтобы ты снова мне доверяла.

Я провела ладонью по лицу.

Устала.

Ужасно устала.

Хотелось лечь, закрыть глаза и проснуться в обычном утре, где главным раздражителем был незавязанный галстук мужа.

— Я не знаю, смогу ли снова тебе доверять.

Он подошел к окну.

Постоял.

— Я прекращаю любые личные отношения с Климовой. Если нужно, решим вопрос с рабочими контактами. Я готов пойти к семейному психологу. Готов говорить столько, сколько тебе потребуется.

Я слушала.

Слова были разумными.

Возможно, именно такие слова и должен произносить человек, который хочет сохранить брак.

Но они ничего не меняли в том, что произошло.

— Ты уже прекратил отношения с ней, — напомнила я.

— Да.

— И она знает, что ты останешься со мной?

Он повернулся.

— Знает.

— Хорошо.

Я застегнула молнию.

— Тогда у тебя больше нет необходимости выбирать между нами.

Илья нахмурился.

— Марин...

— Потому что я не собираюсь участвовать в этом выборе.

Он подошел ближе.

— Что ты хочешь сказать?

Я взялась за ручку чемодана.

— Я хочу развода.

Илья застыл.

Пожалуй, впервые за весь день я увидела на его лице настоящее потрясение.

— Нет.

Одно короткое слово.

Я посмотрела на него.

— Это не вопрос, Илья.

— Марина, подожди. Давай не будем решать все сегодня.

— Я не прошу тебя решать.

— Ты не можешь просто вычеркнуть десять лет.

Я почувствовала, как к глазам снова подступают слезы.

— Я их не вычеркиваю.

— Тогда зачем?

— Потому что я не хочу жить с мужчиной, которому больше не верю.

Он резко выдохнул.

— Доверие можно вернуть.

— Возможно.

— Тогда дай мне шанс.

Я опустила взгляд на чемодан.

— Сейчас я не могу.

— Я подожду.

Эти слова прозвучали настолько уверенно, что мне стало холодно.

Он опять решил за нас обоих.

Будто моя боль была временным неудобством, которое можно переждать.

— Илья, послушай меня внимательно. Я не объявляю тебе наказание, которое можно отменить хорошим поведением. Я ухожу из нашего брака. Я буду подавать на развод.

Он отступил.

Несколько секунд молчал.

Потом спросил:

— А работа?

Я подняла глаза.

— Что работа?

— Мы каждый день видимся. Ты собираешься переходить в другую клинику?

Я не сразу поняла, почему этот вопрос задел меня сильнее предыдущих.

Наверное, потому, что весь день я слышала предложения, как мне поступить.

Отпуск.

Поездка.

Время.

Остаться.

Подождать.

И теперь — уйти с работы.

— Нет, — ответила я.

Илья посмотрел на меня.

— Марина, это будет тяжело.

— Да.

— Нам обоим.

— Понимаю.

— Возможно, тебе стоит хотя бы взять несколько недель.

— Сегодня я отменила приемы. С завтрашним днем разберусь сама. Но увольняться не буду.

Он медленно потер подбородок.

— Ты понимаешь, что программа сейчас на самом сложном этапе? Ракитин ждет результаты. Инна рассчитывает на тебя. Там столько вопросов, которые...

— Я прекрасно понимаю, в каком состоянии программа.

— Я не это хотел сказать.

— Зато я скажу.

Я выпрямилась.

— Я одиннадцать лет работаю в «Контуре». У меня есть пациенты, коллеги и проект, который я начинала не для тебя и не ради нашего брака. Мне нравится моя работа. И я не собираюсь ее терять потому, что ты решил завести любовницу среди сотрудников.

Он вздрогнул.

— Я не прошу тебя увольняться.

— Но уже предлагаешь подумать об этом.

— Я беспокоюсь о тебе.

— Тогда спроси, что мне нужно.

Илья замолчал.

Мы стояли напротив друг друга в спальне, которую выбирали и обустраивали вместе.

На прикроватной тумбочке лежала его книга.

Рядом стоял мой крем для рук.

Никогда прежде эта комната не казалась мне такой чужой.

— Что тебе нужно? — наконец спросил он.

Я посмотрела на него.

— Чтобы ты дал мне уйти.

Его лицо изменилось.

Он медленно кивнул.

— Хорошо.

Я взяла чемодан.

Илья потянулся к ручке.

— Давай помогу.

— Я сама.

Он убрал руку.

Я прошла мимо.

В дверях остановилась.

— И еще.

Он обернулся.

— На работе, пожалуйста, не пытайся обсуждать со мной наш брак.

— Марина...

— Только рабочие вопросы. Все остальное — за пределами клиники.

Он долго смотрел на меня.

— Хорошо.

Я кивнула и вышла.

Ольга ждала на кухне.

Перед ней стоял стакан воды, к которому она так и не притронулась.

Увидев мой чемодан, подруга поднялась.

— Поехали?

— Да.

Она забрала сумку с ноутбуком.

Илья вышел в прихожую следом за нами.

Я надела пальто.

Ольга открыла дверь.

Илья произнес:

— Марин.

Я остановилась.

Он стоял в двух шагах.

Утром этот мужчина поцеловал меня на кухне и попросил не задерживаться после работы.

Теперь он выглядел так, словно не знал, куда деть руки.

— Позвони, когда доберешься, — сказал он.

Я смотрела на него.

Привычная просьба.

Столько лет мы говорили друг другу одно и то же.

Позвони, когда доедешь.

Напиши, когда выйдешь.

Не забудь поесть.

Казалось бы, забота никуда не исчезла.

Только я больше не понимала, что она значит.

— Хорошо, — ответила я.

Мне не хотелось спорить еще и об этом.

Мы вышли.

В лифте Ольга взяла меня за руку.

Я не плакала.

Слезы закончились.

Осталась усталость и странное ощущение, будто мы с чемоданом едем куда-то в командировку.

— Ко мне? — спросила Ольга.

— Если можно.

— Конечно можно.

— Только ненадолго.

Она взглянула на меня.

— Марин, я живу одна в трехкомнатной квартире. Ты можешь остаться столько, сколько понадобится.

Я кивнула.

— Спасибо.

В машине мы почти не разговаривали.

На одном из светофоров Ольга осторожно спросила:

— Ты сказала ему, что хочешь развод?

— Да.

Она посмотрела на дорогу.

— И что он?

— Не верит.

— А ты?

Я задумалась.

Вопрос был неожиданно трудным.

Я верила, что хочу развода.

Верила, что не смогу завтра проснуться рядом с Ильей и притвориться, будто мы просто поссорились.

Но где-то глубоко внутри оставалась нелепая надежда, что он сейчас позвонит и скажет: все неправда.

Не было никакой Климовой.

Не было трех месяцев.

Он просто произнес страшные слова по ошибке.

— Я не знаю, как теперь жить, — призналась я.

Ольга крепче сжала руль.

— Сегодня тебе не обязательно знать. Сегодня поужинаем, ты примешь душ и ляжешь спать.

— Как будто это поможет.

— Может, и не поможет. Но хотя бы не будешь голодной.

Я впервые за день слабо улыбнулась.

— Ты говоришь как врач.

— Уж какая есть.

Она помолчала.

— Ты действительно собираешься остаться в «Контуре»?

— Да.

— Даже если он будет там каждый день?

— Особенно поэтому.

Ольга повернула ко мне голову.

Я покачала головой.

— Нет, не из мести. Просто я не хочу, чтобы вместе с мужем у меня исчезло все остальное.

— Это разумно.

— Пока мне так не кажется.

— Разумные решения редко приятны в первый день.

Я посмотрела в окно.

— Знаешь, что меня больше всего злит?

— Что?

— Он сказал, что с ней было проще.

Ольга молчала.

— Я десять лет старалась, чтобы ему было хорошо дома. Иногда мне казалось, что если я еще немного подстроюсь под его расписание, мы наконец сможем проводить больше времени вместе.

Я сглотнула.

— А с другой женщиной ему просто было легко.

— Марин, тебе не нужно было становиться удобнее.

Я прислонилась затылком к подголовнику.

— Теперь я это понимаю.

Но понимание ничуть не уменьшало боли.

Квартира Ольги пахла свежим хлебом и апельсинами.

Она выдала мне полотенце, чистую постель и настояла, чтобы я съела хотя бы немного супа.

Я послушалась.

За столом мы говорили о простых вещах.

О том, что ее сосед опять оставил велосипед в общем коридоре.

О новой кофейне возле клиники.

О том, что осень началась слишком быстро.

Иногда я забывала о случившемся на несколько секунд.

Потом вспоминала.

И каждый раз внутри будто что-то обрывалось.

Ближе к десяти Ольга ушла в свою комнату.

Я осталась одна.

На телефоне было шесть пропущенных звонков от Ильи.

Несколько сообщений.

Я открыла последнее.

«Я дома. Мне очень жаль. Я люблю тебя. Пожалуйста, давай завтра поговорим».

Я долго смотрела на экран.

В другой комнате тихо работал телевизор.

Где-то за окном проехала машина.

Я подумала о том, что Илья сейчас находится в нашей квартире.

Наверное, сидит на кухне.

Возможно, смотрит на мою чашку, которую я утром оставила возле кофемашины.

Я почти видела его.

И вдруг поняла, насколько сильно хочу домой.

Не в квартиру.

К нему.

Хотела, чтобы он обнял меня, поцеловал в волосы и сказал, что мы справимся.

Как делал раньше, когда возникали трудности.

От этого желания стало стыдно.

Я закрыла переписку.

Потом снова открыла.

Набрала ответ.

«Я добралась. Со мной Ольга. Завтра разговаривать не готова».

Отправила.

Илья прочитал почти сразу.

Три точки появились, исчезли, потом появились снова.

Наконец пришло:

«Хорошо. Я не буду давить. Если что-то понадобится, звони в любое время».

Я положила телефон на стол.

Встала.

Подошла к окну.

Незнакомый двор освещали несколько фонарей. Под одним стояла девушка с собакой. Пес тянул поводок к кустам, а она что-то говорила ему и смеялась.

Еще утром у меня была жизнь, которую я считала надежной.

Не идеальной.

Мы с Ильей спорили, уставали, иногда неделями не находили времени на нормальный вечер вдвоем.

Но я верила ему.

Верила так привычно, что никогда не задумывалась об этом отдельно.

Теперь мне предстояло учиться жить без этой уверенности.

Я вернулась к столу, открыла рабочий календарь.

На завтра стояли четыре приема и совещание по кардиореабилитации.

В пятницу — обсуждение бюджета.

В понедельник — встреча с Инной.

Илья тоже будет там.

Он будет спрашивать о сроках, смотреть документы, принимать решения.

Коллеги станут обращаться к нему «Илья Андреевич».

А я буду сидеть напротив человека, которого еще сегодня утром называла своим мужем.

Мне хотелось закрыть календарь.

Выключить телефон.

Спрятаться от всего, что напоминало о нем.

Но я снова посмотрела на таблицу.

Два года работы над программой.

Девять месяцев пилота.

Люди, которые рассчитывали на нас.

Я не обязана была бросать все это из-за чужого поступка.

Я написала Инне:

«Спасибо, что помогли сегодня с приемами. Завтра буду на работе. По программе можем встретиться в согласованное время».

Ответ пришел через несколько минут.

«Хорошо, Марина Юрьевна. Если утром понадобится изменить график, предупредите. Не перегружайте себя».

Я поблагодарила ее и убрала телефон.

Потом достала из чемодана пижаму.

Переоделась.

Умылась.

Легла в чужую кровать.

Сон не приходил.

Я смотрела в темноту и вспоминала первый год нашей жизни.

В ту осень мы еще не были женаты.

Я работала в клинике всего несколько месяцев и страшно боялась совершить ошибку.

Илья тогда занимал должность заместителя главного врача по медицинской части.

Он был старше, опытнее, увереннее.

Я старалась не задерживаться рядом с ним без необходимости, потому что давно заметила: стоит ему улыбнуться, и у меня начинают путаться мысли.

Однажды поздно вечером мы случайно встретились возле служебного входа.

Я стояла под козырьком и смотрела на дождь.

Зонт остался дома.

Илья остановился рядом.

— Ждете, пока закончится?

— Да.

Он посмотрел на небо.

— Оптимистичный план.

— У вас есть лучше?

— Есть машина.

Я повернулась.

— Вы всем молодым кардиологам предлагаете подвезти их домой?

— Нет. Только тем, кто собирается ночевать возле входа.

Я рассмеялась.

Он тоже.

В машине мы говорили почти час.

Сначала о работе.

Потом о книгах.

Потом о том, что мне нравится Ярославль, но я до сих пор не привыкла к его долгой осени.

Илья рассказал, что в детстве мечтал стать летчиком, а потом случайно попал на экскурсию в медицинский институт.

Я сказала, что не представляю его в кабине самолета.

— Почему?

— Вы слишком любите командовать.

Он расхохотался.

Так громко и искренне, что я впервые увидела в нем не строгого руководителя, а просто мужчину.

Мы остановились возле моего дома.

Дождь не прекращался.

Илья не торопил меня выходить.

— Марина, — сказал он наконец, — я хотел бы пригласить вас на ужин. Не по работе.

Я помню, как забилось сердце.

— А это будет удобно?

Он задумался.

— Наверное, нам придется отдельно поговорить о том, как устроить рабочие отношения. Но ужин я предлагаю сейчас не как ваш начальник.

Я улыбнулась.

— Тогда я согласна.

Он посмотрел на меня так, что я еще неделю вспоминала этот взгляд.

Через год мы поженились.

Илья обещал, что рядом с ним я всегда смогу оставаться собой.

Я верила.

В комнате было темно.

Я лежала на боку, поджав колени, и чувствовала, как слезы снова текут по щекам.

Воспоминание оказалось невыносимо хорошим.

Я не хотела его терять.

Не хотела забывать, каким Илья был со мной.

Но и возвращаться к нему только ради прошлого не могла.

Телефон лежал на тумбочке.

Я протянула руку и установила будильник на шесть тридцать.

Завтра мне нужно было ехать в клинику.

Утром я снова увижу Илью.

Он станет смотреть на меня, ожидая ответа, решения, может быть, надежды.

А я пока не знала, что чувствую сильнее — любовь или боль.

Знала только одно.

В этом браке я больше не останусь.

И свою работу из-за него не потеряю.

Я закрыла глаза.

Завтра мне предстояло впервые прийти на работу к человеку, с которым я собиралась развестись.

Глава 2. Мое рабочее место

Утром я проснулась за четыре минуты до будильника.

Некоторое время лежала неподвижно, прислушиваясь к незнакомым звукам. За стеной шумела вода. На улице кто-то громко разговаривал по телефону. В комнате пахло стиральным порошком и лавандой.

Я потянулась к другой половине кровати.

Пальцы коснулись холодной простыни.

И только тогда вспомнила, где нахожусь.

У Ольги.

Потому что вчера мой муж признался, что три месяца спал с другой женщиной.

Я закрыла глаза.

Нет, легче от этого не стало.

Вчера вечером мне казалось, что за ночь я хотя бы немного привыкну к случившемуся. Что утром мысли станут яснее, а боль перестанет мешать дышать.

Вместо этого я лежала в чужой спальне и пыталась понять, почему по привычке потянулась туда, где должен был спать Илья.

Мы с ним почти никогда не просыпались одновременно.

Он вставал раньше. Обычно успевал принять душ, выпить кофе и проверить почту, пока я еще спала. Иногда возвращался в спальню за телефоном и целовал меня в плечо.

Я ворчала, что он разбудил меня.

Он отвечал, что уже скучает.

Когда-то меня это смешило.

Теперь даже воспоминание о таком пустяке причиняло боль.

Я заставила себя подняться.

В ванной умылась холодной водой, собрала волосы в хвост и посмотрела в зеркало.

Глаза опухли.

Ночью я несколько раз просыпалась, проверяла телефон и снова пыталась уснуть.

Илья больше не писал.

Я сама попросила его не звонить. Он выполнил просьбу.

Почему-то это тоже задевало.

На кухне Ольга стояла возле плиты в домашних брюках и растянутой футболке.

— Доброе утро, — сказала она.

— Доброе.

Она посмотрела на мое лицо.

— Плохо спала?

— Почти не спала.

— Может, не поедешь сегодня?

Я села за стол.

— Поеду.

Ольга поставила передо мной тарелку с омлетом.

— Марин, ты вчера получила страшную новость. Два дня без работы ничего не изменят.

— Если я останусь дома, буду думать только об этом.

— А на работе?

— Там хотя бы будет чем заняться.

Она придвинула мне чашку.

— Только не пытайся доказать, что можешь работать за троих.

Я взяла вилку.

— Я и за одного сейчас едва справляюсь.

— Тогда тем более береги себя.

Я съела несколько кусочков омлета.

Ольга открыла холодильник, достала сыр и положила на стол хлеб.

— И еще. Ты можешь жить у меня сколько потребуется. Не надо сегодня же бежать искать квартиру.

— Я не собиралась сегодня.

Она посмотрела на меня.

— Ты уже открывала объявления?

Я опустила глаза.

— Ночью.

— Конечно.

— Просто смотрела.

— И сколько?

— Девять.

Ольга покачала головой.

— Ты неисправима.

Я попыталась улыбнуться.

Получилось плохо.

— Мне нужно где-то жить.

— Здесь ты тоже можешь жить.

— Оль, я понимаю. И благодарна тебе. Но я не хочу превращаться в твою постоянную соседку.

— У меня три комнаты.

— И одна хозяйка, которая привыкла после работы ходить по квартире в трусах.

Подруга фыркнула.

— Прекрати раскрывать мои тайны.

Я наконец рассмеялась.

Негромко, но по-настоящему.

Ольга посмотрела на меня с таким облегчением, что я почти снова расплакалась.

— Вот, — сказала она. — Уже лучше.

Я покачала головой.

— Нет. Просто ты смешная.

— Это тоже полезное качество.

Мы доели завтрак, собрались и вышли вместе.

В машине Ольга включила радио, но почти сразу убавила звук.

До клиники оставалось пятнадцать минут.

Я смотрела на дорогу и чувствовала, как с каждым перекрестком напряжение растет.

Там будет Илья.

Там будет Елена.

И все остальные.

Те, кто ничего не знает.

И те, кто, возможно, знает гораздо больше меня.

— Оль, — позвала я.

— Да?

— Если кто-нибудь спросит...

Она не дала мне закончить.

— Никому ничего не скажу.

— Спасибо.

— Но ты же понимаешь, что слухи могут появиться?

Я кивнула.

— Понимаю.

— Тогда не пытайся контролировать каждое чужое слово. Не получится.

Я посмотрела в окно.

Как раз это я и собиралась делать.

В клинику я вошла через служебный вход.

Раньше мне никогда не приходило в голову выбирать дверь так, чтобы уменьшить вероятность встретить собственного мужа.

На первом этаже пахло свежевымытым полом и кофе из автомата.

Возле лифта стояли две медсестры. Они обсуждали чей-то день рождения и спорили, какой торт заказать.

Я поздоровалась.

Они ответили совершенно обычно.

Никто не замолчал.

Никто не посмотрел на меня с жалостью.

Мне стало немного легче.

До кабинета я дошла без происшествий.

Закрыла дверь, включила компьютер, достала из сумки телефон.

Сообщений от Ильи не было.

Я открыла расписание.

Первый пациент через двадцать минут.

Потом еще трое.

Встреча с Инной после обеда.

И несколько писем, на которые следовало ответить.

Я села, открыла электронную карту и начала читать историю болезни.

На третьей строчке поймала себя на том, что вообще не понимаю написанного.

Пришлось вернуться к началу.

Потом еще раз.

Я отложила мышь.

Посмотрела на свои руки.

Они не дрожали.

Вчера дрожали.

Сегодня я могла спокойно держать чашку, открывать документы, печатать сообщения.

Значит, хотя бы внешне все было нормально.

Я сделала несколько медленных вдохов.

Открыла нужные результаты обследований.

И принялась за работу.

Первый пациент пришел вовремя.

Мужчина лет пятидесяти, которого я наблюдала давно, сразу начал жаловаться на электронный тонометр.

— Марина Юрьевна, он у меня живет собственной жизнью. Один раз показывает одно, через пять минут другое.

— Давайте сначала посмотрим, как вы измеряете давление.

Он достал прибор из пакета.

Оказалось, что измерения проводились то сразу после подъема по лестнице, то после кофе, то во время телефонного разговора.

Мы разобрали дневник наблюдений и договорились, как получить более сопоставимые данные.

Пациент вздохнул.

— Значит, не обязательно прибор выбрасывать?

— Пока точно не обязательно.

Он улыбнулся.

— Жена так и сказала. А я ей говорю: Марина Юрьевна разберется.

Я тоже улыбнулась.

Мужчина еще несколько минут рассказывал о даче, о внуке и о том, что жена купила ему удобный блокнот для записей.

Я слушала.

И неожиданно почувствовала благодарность за этот разговор.

У человека была обычная жизнь.

Со своими проблемами, тревогами и маленькими радостями.

Он пришел ко мне за медицинской помощью.

И я могла ее оказать.

Без участия Ильи.

Без объяснений о собственном браке.

Без необходимости кому-то доказывать, что достойна находиться в этом кабинете.

Когда пациент ушел, я впервые за утро спокойно выдохнула.

Следующие два приема прошли без осложнений.

А в половине двенадцатого пришел Виктор Петрович Осипов.

Ему было пятьдесят восемь.

После лечения в остром периоде инфаркта он участвовал в нашей программе кардиореабилитации.

До болезни работал электриком на крупном предприятии. Сейчас временно занимался более легкими задачами, связанными с учетом заявок и оборудования, и очень переживал, что окончательно потеряет возможность вернуться к привычному делу.

— Марина Юрьевна, — начал он, едва присев, — я опять пропустил занятие.

— Я видела отметку. Что случилось?

— На работе задержали. Потом автобус ушел. Пока доехал, уже поздно было.

— Вы заранее позвонили?

— Да. Ольге Денисовне. Она сказала, что ничего страшного, но надо перенести.

Я открыла расписание.

— Давайте посмотрим, куда можно поставить занятие.

Он вздохнул.

— Вот в том и проблема. У вас все днем. А я же не могу начальнику каждый раз говорить, что мне нужно уходить.

— Вы сейчас на облегченной работе?

— Да.

— И договоренность о посещении программы у вас есть?

— Есть. Только одно дело на бумаге, а другое в жизни. Сегодня один человек заболел, завтра проверка. Я не хочу, чтобы на меня смотрели как на бесполезного.

Последняя фраза заставила меня поднять глаза.

Виктор Петрович смутился.

— Простите. Это я не на вас жалуюсь.

— Я понимаю.

Я закрыла расписание.

— Вы не бесполезный. И нам нужно подобрать такой режим занятий, который вы сможете соблюдать. Иначе красивое расписание никому не поможет.

Он усмехнулся.

— Вот об этом я и говорю.

Мы обсудили его самочувствие, соблюдение назначенной терапии и текущие ограничения. Острые жалобы, требующие немедленного пересмотра маршрута помощи, он отрицал.

Затем я записала его вопрос о времени посещений.

Не как просьбу сделать исключение для одного человека.

Как проблему, которую следовало решить для всей программы.

— Попробую обсудить вечерние часы с командой, — сказала я. — Пока согласуем ближайшие посещения отдельно.

— Буду очень благодарен.

Он поднялся.

У двери остановился.

— Марина Юрьевна, а вы сами-то отдыхаете?

Я удивилась.

— Почему спрашиваете?

— Вы сегодня какая-то уставшая.

Я машинально поправила волосы.

— Просто не выспалась.

Он понимающе кивнул.

— Бывает. Вы себя тоже берегите. А то нас тут всех учите, а сами небось до ночи сидите.

Когда дверь закрылась, я еще некоторое время смотрела на нее.

Потом открыла документ с расписанием программы и сделала заметку.

«Проверить возможность вечерних занятий. Уточнить нагрузку специалистов».

Наконец у меня появилась задача, которую действительно хотелось решить.

С Ильей я столкнулась возле лифта.

Это произошло так неожиданно, что я остановилась на полушаге.

Он шел навстречу вместе с заведующим хирургическим отделением. Они обсуждали расходные материалы и сроки поставки.

Илья увидел меня первым.

На секунду его лицо изменилось.

Совсем немного.

Только взгляд задержался дольше обычного.

— Марина Юрьевна, — произнес он.

— Илья Андреевич.

Я впервые за десять лет сказала это обращение с таким усилием.

Заведующий хирургией кивнул мне.

— Добрый день.

— Добрый.

Я уже собиралась пройти мимо, когда Илья спросил:

— У вас сегодня прием по расписанию?

Вопрос был рабочим.

И все же я почувствовала, как внутри поднимается раздражение.

— Да. Четыре пациента.

— Как самочувствие?

Заведующий хирургией перевел взгляд с него на меня.

Я выпрямилась.

— Работать могу. Если возникнут изменения, сообщу Инне Валерьевне.

Илья понял.

Я увидела это по его лицу.

— Хорошо, — сказал он.

Я прошла к лестнице.

За спиной снова раздался голос заведующего хирургией:

— Так что по поставке?

Илья ответил не сразу.

Я не обернулась.

Поднявшись на следующий этаж, остановилась у окна.

Сердце колотилось так сильно, будто я только что поднялась бегом на десятый этаж.

Обычный разговор.

Два рабочих вопроса.

А меня трясло оттого, что муж посмотрел на меня с тревогой.

Я злилась на него за эту тревогу.

И одновременно страшно хотела, чтобы он снова спросил, как я себя чувствую.

Я достала телефон.

Открыла переписку с Ольгой.

«Встретила его».

Ответ пришел через минуту.

«Как ты?»

Я подумала.

«Плохо. Но работаю».

«Сможешь зайти ко мне после приема?»

«Да».

Я убрала телефон и вернулась в кабинет.

Инна пригласила меня к себе после двух.

На столе у нее стояли две кружки чая, лежали документы и раскрытый ежедневник.

— Садитесь, Марина Юрьевна.

Я села.

Инна некоторое время смотрела на меня.

— Вы уверены, что вам сейчас нужен полный рабочий день?

— Не уверена.

Она кивнула.

— Уже хорошо, что не пытаетесь убедить меня в обратном.

Я невольно улыбнулась.

Инна отложила ручку.

— Я не собираюсь расспрашивать вас о личном. Но вижу, что у вас трудный период. Если нужны несколько дней отпуска, давайте обсудим.

Я опустила глаза.

— Мне бы хотелось закончить сегодняшние дела. А потом взять два дня.

— Можно согласовать часть отпуска. Только заранее распределим приемы.

— Хорошо.

Она открыла календарь.

Мы обсудили даты и то, кому можно передать срочные вопросы.

Потом Инна закрыла ежедневник.

— Теперь о работе.

Я выпрямилась.

— Я слушаю.

— Вы отвечаете за медицинскую часть программы. Но это не значит, что обязаны самостоятельно решать все административные вопросы. Последние месяцы вы берете слишком много на себя.

— У нас пока небольшая команда.

— Именно. Поэтому не надо делать вид, что она больше, чем есть.

Я почувствовала знакомое желание возразить.

— Если сейчас не организовать расширение, потом будет гораздо сложнее.

— Не спорю. Но организовать и выполнить за всех — разные вещи.

Я промолчала.

Инна посмотрела на меня внимательнее.

— Мы давно собирались пересмотреть распределение задач. Давайте этим займемся. Не надо закрывать недостаток времени своими вечерами.

Я подумала о вчерашнем разговоре с Ильей.

О том, как он сказал, что мы почти не виделись из-за моей работы.

На мгновение захотелось рассказать Инне все.

Что муж изменял мне три месяца.

Что я собираюсь разводиться.

Что теперь не знаю, как сидеть с ним за одним столом.

Но я остановилась.

Инна не была моей подругой.

Она была заместителем главного врача.

И сейчас мы обсуждали мою работу.

— Мне нужно попросить вас еще об одном, — сказала я.

— Конечно.

Я глубоко вдохнула.

— По возможности я хотела бы согласовывать текущие вопросы программы и свой график через вас.

Инна некоторое время молчала.

— Из-за Ильи Андреевича?

Я посмотрела на нее.

Она не отвела глаз.

— Вы можете не отвечать, — добавила она.

— Да. Из-за него.

Инна медленно кивнула.

— Хорошо. Это можно организовать. У нас и раньше большая часть амбулаторной работы проходила через меня.

— Спасибо.

— Но я сразу уточню. Илья Андреевич остается главным врачом. Решения его уровня все равно будут требовать его участия.

— Я понимаю.

— И если возникнут профессиональные разногласия, их придется обсуждать на общих основаниях.

— Именно этого я и хочу.

Инна сложила руки на столе.

— Тогда договорились. Текущий график и отпуск согласовываем через меня. Документы по программе тоже сначала проходят мое рассмотрение. Если потребуется решение главного врача, я направлю их дальше.

Я почувствовала неожиданное облегчение.

Всего несколько предложений.

Никаких обещаний защитить меня от чужой боли.

Просто понятный порядок работы.

— Инна Валерьевна, — сказала я, — я хочу, чтобы вы знали одну вещь.

Она ждала.

— Я не собираюсь пользоваться личными обстоятельствами ради профессиональных преимуществ.

Она нахмурилась.

— Марина Юрьевна, вы одиннадцать лет работаете в клинике. Мне не нужно такое обещание.

Я опустила глаза.

— Простите.

— Не за что извиняться. Но если вы хотите, чтобы вас оценивали по результатам, не требуйте от себя невозможного.

Я кивнула.

Она пододвинула мне папку.

— А теперь покажите, что вы придумали с вечерними занятиями.

И мы занялись делом.

После работы я зашла к Ольге.

Она сидела в кабинете, дописывая заключение.

— Ну? — спросила она, даже не подняв головы.

— Что «ну»?

— Ты выглядишь так, будто сегодня спасала мир.

— Всего четырех пациентов и одно расписание.

— Уже неплохо.

Я села напротив.

Ольга закончила печатать и повернулась ко мне.

— Как разговор с Инной?

— Нормально. Она согласилась взять на себя согласование текущих вопросов.

— Это хорошо.

— И предложила отпуск.

— Еще лучше.

— Я возьму два дня.

Ольга одобрительно кивнула.

— Вот это уже похоже на разумного человека.

Я потерла виски.

— Мне надо снять квартиру.

— Марин...

— Я не сегодня. Но надо.

Она вздохнула.

— Давай хотя бы посмотрим вместе.

Я подняла голову.

— Ты не против?

— Конечно не против. Я же знаю, что ты все равно будешь этим заниматься. Лучше уж вместе выберем что-нибудь нормальное, чем ты снимешь первую попавшуюся комнату с видом на мусорные баки.

Я улыбнулась.

— Мне не нужна комната.

— Тогда тем более.

Она открыла сайт объявлений.

— Показывай свои девять вариантов.

Я достала телефон.

И на несколько минут мы почти забыли, почему вообще занимаемся поиском квартиры.

Первую квартиру мы посмотрели через два дня.

Она находилась в старом доме недалеко от центра. На фотографиях выглядела светлой и уютной.

В действительности обои в спальне отходили от стены, подоконник был заставлен искусственными цветами, а холодильник издавал звук, похожий на взлет самолета.

Хозяйка уверяла, что все прекрасно работает.

Ольга открыла шкаф.

Дверца осталась у нее в руках.

— Почти, — заметила подруга.

Хозяйка обиделась.

Мы извинились и ушли.

Второй вариант оказался красивее.

Новая мебель, большая кухня, удобная ванная.

Но стоимость аренды была такой, что я невольно вспомнила собственную зарплату и все расходы, которые теперь собиралась оплачивать одна.

Возможность снять эту квартиру у меня была.

Но необходимости переплачивать за дорогой ремонт я не видела.

— Ничего себе, — пробормотала Ольга, рассматривая мраморную столешницу. — Тут, наверное, даже макароны стыдно варить.

Я рассмеялась.

— Можно только устрицы.

— И пить воду из хрусталя.

Мы поблагодарили агента и поехали дальше.

Третья квартира находилась в двадцати минутах от клиники.

Небольшая однокомнатная, с отдельной кухней и застекленным балконом.

Никакого дизайнерского ремонта.

Светлые стены.

Нормальная кровать.

Рабочий стол у окна.

В прихожей — большой шкаф.

На кухне — простая мебель и круглый стол на двоих.

Я остановилась посреди комнаты.

Здесь было тихо.

Из окна виднелись деревья и двор.

На подоконнике стоял пустой цветочный горшок.

— Хозяйка оставила, — объяснил агент. — Если мешает, уберем.

— Не мешает.

Ольга прошлась по квартире, открыла шкаф, проверила воду в ванной.

— Марин, иди сюда.

Я вошла.

Она показала на полку.

— Здесь даже твои двадцать баночек поместятся.

— У меня не двадцать баночек.

— Да, конечно. Девятнадцать.

Я покачала головой.

Агент улыбнулся.

— Квартира вам подходит?

Я снова вышла в комнату.

Посмотрела на стол у окна.

Представила, как прихожу сюда после работы.

Снимаю пальто.

Ставлю чайник.

Сажусь читать.

Никто не спрашивает, где его документы.

Никто не решает, когда мы будем ужинать.

Никто не обещает приехать вовремя, а потом не приезжает.

От этой мысли стало одновременно спокойно и страшно.

— Да, — ответила я. — Подходит.

Ольга посмотрела на меня.

— Уверена?

Я кивнула.

— Уверена.

Мы обсудили условия аренды, залог и оплату. Договорились оформить договор и передачу ключей в ближайшие дни.

Когда вышли на улицу, Ольга спросила:

— Ну как?

Я остановилась возле машины.

— Странно.

— Что именно?

— Я впервые за много лет выбираю жилье только для себя.

Она молчала.

— Не думаю, удобно ли будет Илье. Не далеко ли ему ехать. Понравится ли кухня. Хватит ли места для его вещей.

Я посмотрела на окна третьего этажа.

— Просто выбираю, где хочу жить.

Ольга открыла машину.

— И как ощущения?

Я подумала.

— Пока непривычно.

— Ничего. Привыкнешь.

Я села рядом.

В кармане завибрировал телефон.

На экране появилось имя Ильи.

Я смотрела на него несколько секунд.

Потом ответила.

— Да.

— Марин, привет.

Его голос был таким знакомым, что я невольно закрыла глаза.

— Привет.

— Ты сейчас можешь говорить?

— Недолго.

Он помолчал.

— Я хотел узнать, как ты.

Я посмотрела на Ольгу.

Она завела двигатель и сделала вид, что полностью занята дорогой.

— Нормально.

— Ты у Ольги?

— Да.

— Я вчера писал. Ты не ответила.

— Видела.

Илья выдохнул.

— Хорошо. Я не буду тебя мучить вопросами. Просто хотел убедиться, что с тобой все в порядке.

Я почувствовала раздражение.

— Илья, мы вчера виделись в клинике.

— Я знаю. Но там ты со мной почти не разговариваешь.

— Мы договорились обсуждать на работе только рабочие вопросы.

— Я помню.

Повисла пауза.

Потом он сказал:

— Ты можешь забрать вещи, когда захочешь. Если нужно, я уйду из квартиры на это время.

Я посмотрела в окно.

— Хорошо. Я сообщу.

— Марин...

Я молчала.

— Я очень скучаю.

На мгновение мне захотелось ответить тем же.

Потому что я действительно скучала.

По его голосу.

По привычке обсуждать вечером самые незначительные события.

По тому, как он мог подойти сзади и положить подбородок мне на плечо, пока я готовила ужин.

Но я вспомнила Елену.

И три месяца.

— Мне пора, — сказала я.

— Хорошо.

Он помолчал.

— Спокойного вечера.

— И тебе.

Я завершила разговор.

Ольга не стала сразу ничего спрашивать.

Только когда мы остановились у светофора, она тихо произнесла:

— Тяжело?

— Очень.

— Ты можешь скучать по нему, Марин.

Я повернулась.

— Даже после всего?

— Ты же десять лет его любила. Было бы странно, если бы это исчезло за два дня.

Я отвернулась к окну.

— Меня злит, что он все еще так на меня действует.

— Это не значит, что ты обязана возвращаться.
Я молчала.
Она добавила:
— И не значит, что ты слабая.
Я посмотрела на нее.
— Я не считаю себя слабой.
— Тогда перестань ругать себя за каждое чувство.
Я ничего не ответила.
Потому что она была права.

В ближайшую пятницу мы с Ильей подали заявление о расторжении брака.
Накануне я долго выбирала, что надеть.
Поймала себя на том, что достала темно-зеленое платье, которое ему нравилось.
Подержала его в руках.
Потом убрала обратно.
Надела обычные черные брюки и светлую блузку.
Мне не хотелось выглядеть ни особенно красивой, ни нарочито равнодушной.
Я ехала оформлять документы.
Не на встречу с мужчиной, которого собиралась завоевывать или наказывать.
Илья ждал у входа в загс.
Темное пальто.
Белая рубашка.
Никакого галстука.
Он стоял возле ступенек и смотрел в телефон.
Когда увидел меня, сразу убрал его в карман.
— Привет.
— Привет.
Несколько секунд мы молчали.
Потом он спросил:
— Ты уверена?
Я посмотрела на него.
— Илья, мы уже обсуждали.
— Я знаю.
— Тогда зачем спрашиваешь?
Он отвел взгляд.
— Потому что надеялся, что ты передумаешь.
Я почувствовала, как сжалось горло.
— Не передумала.
Илья кивнул.
Мы вошли.
Внутри было светло и прохладно.
У стойки сотрудница объясняла молодой женщине, какие документы нужны для регистрации брака. Рядом стоял мужчина с букетом цветов.
Я невольно посмотрела на них.
Они улыбались друг другу.
Женщина поправила мужчине воротник.
У меня заболело сердце.
Илья заметил, куда я смотрю.
Ничего не сказал.

Мы подошли к своему окну.

Сотрудница проверила документы, объяснила порядок подачи совместного заявления, уточнила необходимые сведения и дату регистрации расторжения брака.

Общих несовершеннолетних детей у нас не было.

Спора о самом разводе тоже не было, хотя Илья явно не хотел его.

Я ждала, что он начнет возражать.

Но он отвечал на вопросы спокойно.

Когда дошло до фамилии, сотрудница посмотрела на меня.

— Фамилию после расторжения брака оставляете прежнюю?

Я замерла.

Ланская.

Десять лет я носила эту фамилию.

Ее знали коллеги, пациенты, друзья.

Я привыкла подписывать документы как Марина Юрьевна Ланская.

Когда-то мне очень хотелось стать Ланской.

Я помнила, как после свадьбы впервые написала новую фамилию на листке бумаги.

Илья тогда стоял рядом.

Смотрел.

Улыбался.

Сказал:

— Красиво звучит.

Я подняла глаза.

— Хочу вернуть девичью.

Илья резко повернулся ко мне.

— Марина...

Я посмотрела на сотрудницу.

— Резникова. Марина Юрьевна Резникова.

Она внесла данные.

Илья молчал.

Когда мы закончили, сотрудница сообщила назначенную дату следующего месяца, на которую приходилась регистрация развода.

Я записала ее в телефон.

В октябре наш брак закончится официально.

Мы вышли на улицу.

Дождя не было, но небо затянуло низкими серыми облаками.

Илья остановился возле ступенек.

— Ты даже фамилию не хочешь оставлять?

Я посмотрела на него.

— Хочу вернуть свою.

— Она десять лет была твоей.

— Знаю.

Он сжал челюсти.

— Ты можешь ее сохранить. Я бы хотел...

— Илья.

Он замолчал.

— Это мое решение.

Несколько секунд он смотрел на меня.

Потом медленно кивнул.

— Хорошо.

Мы спустились по ступенькам.

Я достала ключи от машины.

Илья остановился рядом.

— Марин, я понимаю, что сейчас ты не готова меня слушать. Но я действительно хочу попытаться все исправить.

Я убрала ключи в карман.

— Ты уже это говорил.

— И буду говорить, пока это правда.

Я посмотрела ему в лицо.

Он выглядел уставшим.

Под глазами появились тени.

Обычно я замечала такие вещи сразу.

Спрашивала, спал ли он, ел ли нормально, не слишком ли много работает.

Сейчас привычное желание позаботиться о нем возникло и тут же столкнулось с обидой.

— Ты сам решил, что наши отношения тебе больше не подходят, — сказала я. — Потом сам решил, что можешь встречаться с другой женщиной. Теперь сам решил, что хочешь все вернуть.

— Я не прошу тебя забыть произошедшее.

— Но просишь дать тебе шанс.

— Да.

— А я не хочу сейчас ничего тебе давать. Ни шанса, ни обещаний, ни надежды.

Он опустил голову.

Я посмотрела на машину, припаркованную через дорогу.

— Мне нужно время, чтобы вообще понять, как жить дальше.

— Я могу подождать.

Я покачала головой.

— Только не делай из этого договоренность между нами. Я не просила тебя ждать.

Он вздрогнул.

Я увидела, что мои слова причинили ему боль.

Но не стала их смягчать.

— До понедельника, Илья.

Он поднял глаза.

— До понедельника.

Я ушла.

Уже возле машины обернулась.

Он все еще стоял у ступенек.

И смотрел мне вслед.

В тот вечер я впервые позвонила маме.

Все предыдущие дни откладывала разговор.

Не знала, как сказать родителям, что собираюсь разводиться.

Мама ответила быстро.

— Мариночка! Я как раз хотела тебе звонить. Ты в воскресенье приедешь?

Я села на край дивана в гостевой комнате Ольги.

— Мам, мне нужно тебе кое-что рассказать.

Она сразу насторожилась.

— Что случилось?

Я долго не могла произнести нужные слова.

Потом сказала:

— Мы с Ильей разводимся.
За несколько секунд тишина на другом конце провода стала почти осязаемой.
— Как разводитесь?
— Подали заявление.
— Марина, вы же десять лет вместе.
Я закрыла глаза.
— Знаю.
— Вы поссорились?
— Он мне изменил.
Мама шумно вдохнула.
— Господи...
Я молчала.
— С кем?
— С женщиной из нашей клиники.
Она долго ничего не говорила.
Потом спросила:
— Ты сейчас где?
— У Ольги.
— Почему не у нас?
— Мам, мне нужно ездить на работу. И я скоро сниму квартиру.
— Какую квартиру? У тебя есть дом.
Я почувствовала, как к горлу подступает раздражение.
— Там живет Илья.
— Но квартира ведь общая.
— Мы потом решим, что с ней делать.
Мама вздохнула.
— Мариночка, я просто не понимаю. Он же так тебя любил.
Я посмотрела на свои руки.
— Я тоже так думала.
Она замолчала.
Я услышала, как на заднем плане отец спросил, кто звонит.
Мама ответила, что я.
Потом прикрыла трубку и что-то сказала ему.
Через несколько секунд голос у нее изменился.
— Дочка, ты уверена, что хочешь разводиться?
Я закрыла глаза.
— Да.
— Может, сначала поживете отдельно?
— Мы уже живем отдельно. Но заявление подали.
— Десять лет, Марина...
— Мам, пожалуйста.
Она замолчала.
Я почувствовала, как по щеке скатилась слеза.
— Я не могу сейчас обсуждать, правильно ли поступаю. Мне и так очень тяжело.
Несколько секунд было тихо.
Потом мама сказала:
— Прости меня.
Я прикусила губу.
— Ничего.

— Я просто растерялась. Вы всегда казались такой крепкой парой.
— Мне тоже.
Мама всхлипнула.
И тут я вдруг поняла, что ей тоже больно.
Она любила Илью.
Называла его сыном.
Гордилась тем, какой он врач.
Наверное, сейчас ей было трудно совместить знакомого мужчину с тем, что он сделал.
— Мы с папой тебя любим, — тихо сказала она. — Ты же знаешь?
— Знаю.
— Если нужно, приезжай. Или мы приедем.
— Спасибо, мам.
— И деньги у тебя есть? Если нужна помощь...
Я невольно улыбнулась сквозь слезы.
— Мам, у меня хорошая зарплата.
— Я знаю. Но все равно.
— Все нормально.
Она помолчала.
— Только не оставайся совсем одна, ладно?
Я посмотрела на закрытую дверь.
За ней Ольга разговаривала с кем-то по телефону и смеялась.
— Не останусь.
После разговора я долго сидела неподвижно.
Потом открыла переписку с Ильей.
Он не писал с утра.
Я набрала:
«Я рассказала родителям».
Ответ пришел почти сразу.
«Как они?»
Я посмотрела на сообщение.
Раньше этот вопрос был бы естественным.
Мы оба считали моих родителей своей семьей.
Теперь я не знала, имеет ли Илья право спрашивать.
Но ответила:
«Расстроились. Подробностей не обсуждала».
Он написал:
«Понимаю. Мне очень жаль, что тебе пришлось это делать одной».
Я прочитала.
Потом положила телефон.
Не стала объяснять, что виноват в этом он.
Думаю, Илья и сам понимал.

В понедельник я вернулась к обычному графику.
Два дня отдыха не сделали меня счастливее.
Зато я выспалась, оформила необходимые документы по квартире и наконец смогла спокойно завтракать.
В воскресенье мы с Ольгой перевезли первые вещи.
Я решила пока пожить в новой квартире без попытки сразу сделать ее уютной.
Поставила в кухонный шкаф две чашки.

Разложила одежду.

Купила постельное белье, полотенца и маленькую настольную лампу.

Ольга привезла мне растение в горшке.

— Чтобы совсем пусто не было, — сказала она.

— Я же убью его через неделю.

— Это сансевиерия. Она переживет даже твои дежурства.

Мы поставили растение на подоконник.

Потом заказали ужин и сидели на полу, потому что стол еще был заставлен коробками.

Я слушала, как Ольга рассказывает о нелепом разговоре с соседом, и впервые за несколько дней почувствовала себя не только несчастной женщиной.

У меня была собственная квартира.

Пусть съемная.

Пусть небольшая.

Но ключи лежали в моей сумке.

Никто другой не мог решить, когда мне приходить домой.

Мне нравилось это ощущение.

И одновременно я боялась его.

Потому что оно означало: я действительно начинаю жить отдельно.

На работе в понедельник первым делом подошла Инна.

— Марина Юрьевна, как отдохнули?

— Спасибо. Лучше.

Она внимательно посмотрела на меня.

— Хорошо. Тогда сегодня после обеда обсудим программу.

Я кивнула.

— Конечно.

— И еще. Илья Андреевич просил передать, что документы по расширению получил. Изучит к вечеру.

У меня внутри все сжалось.

— Хорошо.

Инна помолчала.

— Вы можете спокойно заниматься своими задачами. Если потребуются уточнения, сначала посмотрим их вместе.

Я была ей благодарна.

И в то же время чувствовала себя глупо.

Взрослая женщина.

Опытный врач.

А одно упоминание имени собственного мужа выбивало меня из равновесия.

Я заставила себя заняться расписанием.

Ольга прислала уточненные часы специалистов.

Медсестра сообщила, какие дни удобнее для новых групп.

Я свела данные в таблицу, исправила два пересечения и отправила Инне.

Работа увлекла.

До обеда я почти не вспоминала о личных проблемах.

А потом столкнулась с Еленой Климовой.

Это произошло у кабинета диагностики.

Я шла за результатами обследования пациента.

Елена стояла возле стойки регистратуры и разговаривала с администратором.

На ней был белый халат поверх светлой блузки.

Волосы аккуратно собраны.

На пальце блестело тонкое серебряное кольцо.

Она увидела меня.

Замолчала.

Я тоже остановилась.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга.

Администратор перевела взгляд с нее на меня.

— Марина Юрьевна, вам результаты?

Я кивнула.

— Да. По пациенту из моего списка.

Она начала искать документы.

Елена опустила глаза.

Потом тихо сказала:

— Здравствуйте.

Я посмотрела на нее.

В голове одновременно возникло столько вопросов, что я не смогла выбрать ни одного.

Как давно она знала, что он женат?

Где они встречались?

Что он ей говорил обо мне?

Смеялась ли она вместе со мной в тот день у кофемашины, уже зная, что происходит?

Я сжала пальцы на папке.

— Здравствуйте, Елена Викторовна.

Она едва заметно вздрогнула.

Администратор протянула мне документы.

— Вот, пожалуйста.

— Спасибо.

Я забрала бумаги.

Развернулась.

И пошла по коридору.

Елена меня не остановила.

Только возле лестницы я почувствовала, как быстро бьется сердце.

Мне хотелось вернуться.

Спросить.

Потребовать объяснений.

Может быть, даже закричать.

Но я представила, как стою посреди клиники и выясняю отношения с любовницей мужа на глазах у коллег.

И поняла, что не хочу этого.

Не здесь.

Не на работе.

Я вошла в свой кабинет и закрыла дверь.

Села.

Положила документы на стол.

Долго смотрела на них.

Потом раздался стук.

— Войдите.

Это была Ольга.

Она увидела мое лицо.

— Что случилось?

Я усмехнулась.

— Познакомилась с новой жизнью.

Она нахмурилась.

— В каком смысле?

— Встретила Климову.

Ольга прикрыла дверь.

— И?

— Поздоровались.

— Только?

— Только.

Она села напротив.

— Марин, ты молодец.

Я подняла голову.

— За что?

— За то, что не устроила скандал посреди отделения.

Я потерла виски.

— Не уверена, что это заслуга.

— Еще какая.

Я посмотрела на дверь.

— Мне хочется знать, что он ей говорил.

Ольга помолчала.

— Ты можешь спросить Илью.

— Он уже сказал, что это не имеет значения.

— Тогда скажи, что для тебя имеет.

Я провела ладонью по лицу.

— Я боюсь услышать ответ.

— Понимаю.

Мы сидели молча.

Потом Ольга спросила:

— Ты собираешься оставаться в клинике, даже если они оба продолжат здесь работать?

Я подняла глаза.

— Да.

— Совсем не сомневаешься?

Я задумалась.

— Сомневаюсь. Каждое утро. Но уходить только потому, что не могу видеть их лица, не хочу.

Она кивнула.

— Тогда будем разбираться по мере необходимости.

Я посмотрела на подругу.

— Ты говоришь «будем», будто тоже разводишься с Ильей.

Ольга фыркнула.

— Я с ним никогда не связывалась. И всегда считала, что он слишком любит командовать.

Я неожиданно рассмеялась.

— Почему раньше не сказала?

— А ты бы послушала?

Я подумала.

— Нет.

— Вот именно.

Она поднялась.

— Пойдем обедать. Ты опять забыла?

Я посмотрела на часы.

Было почти три.

— Да.

— Ну конечно.

Мы вышли вместе.

К концу первой полной недели после признания я поняла, что самая трудная часть развода вовсе не документы и не поиск жилья.

Труднее всего оказалось отучаться от мелких привычек.

Я больше не могла написать Илье, что задерживаюсь.

Не должна была спрашивать, купить ли ему что-нибудь по дороге домой.

Когда в магазине увидела его любимые соленые крекеры, машинально положила упаковку в корзину.

Потом долго смотрела на нее.

И вернула на полку.

Вечером, разбирая оставшиеся вещи, наткнулась на запасные запонки Ильи.

Они лежали в маленькой коробке рядом с моими серьгами.

Я взяла коробку.

Хотела написать ему, что нашла.

Потом решила, что передам ему запонки, когда буду забирать оставшиеся вещи из общей квартиры.

Запонки не требовали срочного разговора.

Я положила их отдельно.

Телефон завибрировал.

Илья.

Сообщение было неожиданно бытовым.

«Марин, не помнишь, где у нас документы по посудомоечной машине? Сервис опять прислал уведомление. Нужно договориться о приезде мастера».

Я прочитала его.

Потом еще раз.

В обычной жизни я бы ответила немедленно.

Сказала, где лежит договор.

Нашла бы телефон мастера.

Уточнила удобное время.

Потом предупредила Илью, когда нужно быть дома.

Возможно, сама бы отпросилась с работы.

Я сидела на полу собственной квартиры и смотрела на экран.

Мужчина, который руководил многопрофильной клиникой, мог решать вопросы с оборудованием, бюджетами и подрядчиками.

Но документы на нашу посудомоечную машину почему-то всегда искала я.

Я набрала:

«Папка с бытовой техникой в нижнем ящике письменного стола. Договор там. Сервису можешь позвонить сам».

Ответ пришел почти сразу.

«Нашел. Спасибо. Ты могла бы договориться с мастером? У меня завтра весь день совещания».

Я закрыла глаза.

Несколько секунд сидела неподвижно.

Потом написала:

«Нет, Илья. Я больше этим не занимаюсь».

Он долго не отвечал.

Я уже успела убрать телефон, когда пришло сообщение.

«Понял. Извини. Сам решу».

Я прочитала.

И почувствовала странную смесь облегчения и печали.

Ничего особенного не произошло.

Я просто отказалась заниматься бытовой задачей человека, с которым больше не жила.

Но мне потребовалось почти десять лет, чтобы сделать это без объяснений и оправданий.

В четверг я приехала в клинику раньше обычного.

На этот день было назначено обсуждение окончательных расчетов по расширению программы.

Мы с Инной уже согласовали расписание и необходимые изменения.

Я тщательно проверила таблицы.

Нагрузка врачей.

Время специалистов по реабилитации.

Количество планируемых участников.

Расходы.

Возможность проводить вечерние занятия.

Мне казалось, что основные вопросы закрыты.

В кабинете Инны я положила папку на стол.

— Все готово.

Она надела очки.

— Давайте посмотрим.

Мы прошли документ построчно.

Инна несколько раз уточнила цифры.

Попросила исправить формулировку.

Обратила внимание на распределение ответственности между кардиологом и координатором.

Я внесла изменения.

К концу разговора она закрыла папку.

— В целом хорошо. Отправляйте Илье Андреевичу на утверждение.

Я кивнула.

— Сегодня?

— Да. Ракитин ждет предварительное решение до конца недели.

Вернувшись к себе, я открыла электронную почту.

Написала короткое сопроводительное письмо.

«Илья Андреевич, направляю согласованные расчеты по расширению программы кардиореабилитации. Замечания Инны Валерьевны учтены».

Прикрепила файл.

Проверила адресата.

И нажала «Отправить».

Сердце почему-то забилось быстрее.

Обычная рабочая переписка.

Я отправляла мужу десятки таких писем.

Но теперь даже обращение «Илья Андреевич» казалось чем-то чужим.

Я отложила телефон и занялась приемами.

После обеда пришел Осипов.

Мы обсудили его участие в программе.

Он рассказал, что начальник согласился временно изменить ему рабочее расписание, но предупредил: бесконечно так продолжаться не сможет.

— Так что я очень рассчитываю на ваши вечерние занятия, — сказал Виктор Петрович.

— Мы пока только согласовываем расширение.

— Я понимаю. Просто надеюсь.

Я улыбнулась.

— Мы тоже.

После его ухода я сделала пометку в рабочем журнале.

Мне хотелось, чтобы программа действительно стала удобнее для таких людей.

Чтобы пациенту не приходилось выбирать между работой и регулярным участием в реабилитации.

Чтобы наш проект не остался красивым отчетом для руководства.

Я любила эту часть своей работы.

И не собиралась от нее отказываться.

Ответ от Ильи пришел в половине пятого.

Я как раз собирала документы перед встречей с Ольгой.

На экране появилось уведомление.

«Марина Юрьевна, прошу зайти ко мне для обсуждения расчетов по программе».

Я посмотрела на часы.

Потом на сообщение.

Не хотелось.

Совсем.

Но речь шла о рабочем вопросе.

Я взяла папку и пошла к его кабинету.

Секретарь встретила меня привычной улыбкой.

— Марина Юрьевна, проходите. Илья Андреевич ждет.

Я постучала.

— Войдите.

Муж сидел за столом.

На экране компьютера была открыта моя таблица.

Рядом лежали распечатки.

Он поднял голову.

— Садись.

Я села напротив.

Илья некоторое время смотрел на меня.

Потом, словно вспомнив что-то, отвел взгляд к документам.

— Я посмотрел расчеты.

— Да.

— Есть несколько вопросов.

Он пододвинул мне распечатку.

На полях стояли пометки.

Я пробежала глазами первую страницу.

Дополнительная нагрузка координатора.

Время на связь с пациентами.

Расписание специалистов.

Распределение обязанностей.

Часть вопросов мы обсуждали с Инной.

Часть казалась мне уже решенной.

— Мы пересчитали часы после замечаний Инны Валерьевны, — сказала я.

— Вижу. Но здесь заложен рост числа участников без соответствующего увеличения времени на организационную работу.

Я подняла глаза.

— Мы распределим часть задач между сотрудниками.

— Где это отражено?

Я открыла таблицу.

— Вот здесь.

Он посмотрел.

— Здесь распределены занятия и консультации. А кто будет координировать переносы, напоминания, взаимодействие между специалистами?

— Сейчас этим занимаюсь я.

— Именно.

Я почувствовала раздражение.

— Илья Андреевич, я понимаю, что программа требует дополнительных усилий. Мы это обсуждали.

Он поднял глаза.

На секунду в его взгляде мелькнуло что-то болезненное.

Наверное, оттого, что я снова назвала его по имени-отчеству.

Но он ничего не сказал.

— Марина Юрьевна, речь не о дополнительных усилиях. Речь о том, сколько часов работы мы фактически оплачиваем и как распределяем обязанности.

Я выпрямилась.

— Я готова пересмотреть цифры.

— Хорошо.

Он перелистнул страницу.

— Есть еще вопрос по вечерним занятиям. Вы предлагаете два дополнительных окна, но не показываете, каким образом будет изменен график всей команды.

— У нас есть предварительные согласия специалистов.

— Предварительные согласия не заменяют расчет.

Я посмотрела на него.

Слова были разумными.

Я понимала их смысл.

Но каждый новый пункт почему-то воспринимался как удар.

Как будто он сидел напротив и пытался доказать, что без него я ничего не могу сделать правильно.

— Что именно ты хочешь? — спросила я.

Илья поднял голову.

Я сама заметила, что перешла на «ты».

Он тоже заметил.

— Хочу получить документ, по которому можно принимать управленческое решение.

— Мы уже потратили на него несколько недель.

— Это не повод утверждать недоработанный план.

Я почувствовала, как щеки становятся горячими.

— Ты прекрасно знаешь, сколько времени я вложила в эту программу.

— Знаю.

— И сколько приходится делать сверх основной работы.

— Знаю. Поэтому и хочу увидеть реальную нагрузку.

Я резко закрыла папку.

— Тогда почему ты возвращаешь документ именно сейчас?

Илья замолчал.

Несколько секунд смотрел на меня.

— Что ты имеешь в виду?

Я прекрасно понимала, что сейчас происходит.

И все же остановиться не могла.

— Ты знаешь, что я собираюсь разводиться. Знаешь, что не хочу обсуждать с тобой личные отношения. И вдруг у тебя появляется столько замечаний к проекту, который мы готовили несколько месяцев.

Илья медленно отложил ручку.

— Марина, это рабочий вопрос.

— Я очень хочу в это верить.

Его лицо изменилось.

— Ты считаешь, что я возвращаю документ из-за развода?

Я посмотрела ему в глаза.

— Не знаю.

Он долго молчал.

Потом сказал:

— Это серьезное обвинение.

— Я никого не обвиняю. Я говорю, что мне трудно понять, где заканчиваются рабочие решения и начинаются наши личные проблемы.

Он откинулся на спинку кресла.

— Я не собираюсь использовать твою работу против тебя.

— Тогда давай проверим замечания независимо.

Он нахмурился.

— В каком смысле?

— Пусть Инна Валерьевна и Ольга Денисовна посмотрят расчеты. Если нужно, подключим финансового специалиста. Я хочу понять, действительно ли там есть недостатки.

Илья некоторое время молчал.

— Хорошо.

Я не ожидала, что он согласится так быстро.

— Хорошо?

— Да. Организуем рабочую встречу. По всем вопросам пройдем отдельно.

Я посмотрела на распечатку.

— И решение будет приниматься на основании расчетов?

— Именно.

Он помолчал.

— Марин...

Я подняла глаза.

— Что?

Илья посмотрел на дверь.

Потом снова на меня.

— Я понимаю, почему тебе сейчас трудно мне доверять. Но я не стану ставить под сомнение твою работу из-за наших личных отношений.

Я почувствовала, как внутри что-то болезненно сжалось.

— Надеюсь.

Он кивнул.

— Тогда договорились. Завтра Инна согласует время встречи.

Я встала.

Взяла папку.

У двери остановилась.

— Илья Андреевич.

Он поднял голову.

— Да?

— Я хочу, чтобы ты понимал одну вещь.

Он ждал.

— Я не собираюсь уходить из клиники.

Несколько секунд он молчал.

Потом произнес:

— Я не прошу тебя уходить.

— Тогда нам придется научиться работать вместе.

Он посмотрел на меня.

— Да.

Я кивнула.

И вышла.

Вечером я вернулась в новую квартиру.

Открыла дверь своим ключом.

В прихожей было темно.

Я включила свет.

Сняла пальто.

Поставила сумку на пол.

Никто не спросил, почему я задержалась.

Никто не поинтересовался, что у нас на ужин.

Никто не вышел из спальни, чтобы обнять меня.

Я прошла на кухню.

Включила чайник.

Открыла холодильник.

Там стояли йогурт, упаковка сыра, яйца и контейнер с едой, которую Ольга оставила мне накануне.

Я достала контейнер.

Поставила его разогреваться.

Потом села за круглый стол.

На подоконнике стояла сансевиерия.

За окном постепенно темнело.

Внизу женщина выгуливала собаку.

Наверное, ту самую, которую я видела вчера.

Я достала телефон.

Открыла рабочую почту.

Письмо от Ильи с замечаниями уже пришло.

Вложенный файл.

Несколько выделенных строк.

Предложение провести встречу с Инной и финансовым специалистом.

Все официально.

Корректно.

Никаких личных слов.

Я открыла таблицу.

Посмотрела на расчеты.

И неожиданно увидела, что один из вопросов действительно заслуживает внимания.

Я заложила время на занятия.

На консультации.

На подготовку материалов.

Но слишком оптимистично оценила, сколько часов потребуется на координацию при увеличении числа участников.

Сейчас значительную часть этих задач выполняла я сама.

По вечерам.

По выходным.

Иногда между приемами.

Илья заметил это.

Я отложила телефон.

Мне хотелось немедленно придумать объяснение, почему его замечание не имеет значения.

Хотелось доказать, что я права.

Что он придирается.

Что я справлюсь.

Но я сидела в своей новой квартире, смотрела на таблицу и понимала: если сейчас начну защищать ошибку только потому, что ее обнаружил Илья, то сама позволю нашей личной истории управлять моей работой.

Я открыла ноутбук.

Сделала копию документа.

Начала заново просматривать распределение часов.

Через двадцать минут остановилась.

Посмотрела на часы.

Почти девять.

Контейнер с ужином давно остыл.

Я закрыла ноутбук.

Не потому, что закончила.

А потому, что завтра тоже будет рабочий день.

И мне не обязательно исправлять все за один вечер.

Я разогрела еду еще раз.

Поужинала.

Вымыла тарелку.

Потом достала из сумки связку ключей.

На связке все еще оставался ключ от нашей с Ильей квартиры.

Я сняла его с кольца.

Положила в маленькую коробку на полке.

Рядом — запасные запонки, которые нужно было вернуть.

Несколько секунд смотрела на них.

Потом взяла ключи от нового жилья.

Всего два.

От подъезда и входной двери.

Маленькая связка.

Я сжала ее в ладони.

Впереди был развод.

Раздел имущества.

Десятки неудобных разговоров.

Работа рядом с человеком, которого я любила и которому больше не верила.

И проект, который теперь придется защищать на общих основаниях.

Мне было страшно.

Но впервые за эту неделю я почувствовала не только страх.

Я могла выбрать, где жить.

Могла отказаться от чужой просьбы.

Могла признать собственную рабочую ошибку, не считая это поражением.

И могла остаться в клинике, которую любила.

На следующий день мне предстояло вместе с Инной и коллегами разобрать замечания Ильи.

Я не знала, окажутся ли все они обоснованными.

Но собиралась выяснить.

Не как жена, которой изменили.

И не как женщина, пытающаяся доказать бывшему мужу, что способна прожить без него.

А как врач, отвечающий за свою работу.

Я выключила свет на кухне.

И пошла спать.

Утром мне нужно было вернуться в «Контур».

На свое рабочее место.

Глава 3. На общих основаниях

В пятницу утром я приехала в клинику с твердым намерением доказать, что замечания Ильи к моей программе необоснованны.

К половине десятого выяснилось, что как минимум в одном месте он был прав.

Это ужасно меня разозлило.

— Марина Юрьевна, — сказала Инна, подвигая ко мне распечатку, — покажите, пожалуйста, где у вас учтено время на координацию пациентов.

Мы сидели в небольшом конференц-зале на третьем этаже.

Кроме нас присутствовали Ольга и Сергей Павлович Ларин, финансовый аналитик клиники. На столе лежали расчеты, предварительное расписание и список сотрудников, которых планировалось привлечь к расширенной программе.

Я открыла нужную страницу.

— Вот. Здесь шесть часов в неделю.

Сергей Павлович поправил очки.

— На все организационные задачи?

— На основные. Остальное распределено между специалистами.

— Где именно?

Я показала вторую таблицу.

Он некоторое время изучал ее.

— Здесь указано время консультаций. А кто связывается с пациентами, когда они пропускают занятия? Кто согласовывает переносы между отделениями? Кто собирает информацию для ежемесячного отчета?

— В основном я.

— А сколько времени у вас на это уходит сейчас?

Я открыла рот.

И закрыла.

Хороший вопрос.

Настолько хороший, что хотелось немедленно его возненавидеть.

— По-разному, — ответила я. — Зависит от недели.

— В среднем?

Я посмотрела на Ольгу.

Она сидела напротив, положив перед собой блокнот.

— Марин, — осторожно произнесла подруга, — только за прошлую неделю ты трижды оставалась после приема. В понедельник мы вместе разбирали переносы почти до семи.

— Это было исключение.

Ольга подняла брови.

— Правда?

Я нахмурилась.

— У нас тогда заболела медсестра.

— А позапрошлая неделя?

Я промолчала.

Инна сложила руки на столе.

— Марина Юрьевна, нам не нужно доказать, что вы недостаточно стараетесь. Нам нужно понять, сколько рабочих часов потребуется программе.

— Я понимаю.

— Тогда давайте считать честно.

Я посмотрела на распечатку.

Шесть часов.

Эту цифру я вписала почти автоматически, потому что считала координацию дополнительной частью своей обычной работы.

И потому что прекрасно знала: если показать реальные затраты времени, бюджет программы увеличится.

Ракитин начнет задавать вопросы.

Попросит сократить расходы.

Возможно, предложит отложить расширение.

А я два года пыталась добиться, чтобы нашу работу воспринимали всерьез.

— Если мы увеличим эту статью, — сказала я, — общий бюджет станет больше.

— Да, — ответил Сергей Павлович.

— Значительно.

— Возможно.

— И генеральный директор может не согласовать проект.

Инна посмотрела на меня.

— Может.

Я почувствовала, как внутри поднимается возмущение.

— Значит, мы полтора месяца готовили документы, чтобы теперь отказаться от расширения?

— Нет, — спокойно ответила она. — Мы готовили документы, чтобы принять обоснованное решение. Если расчет не соответствует реальной работе, его нужно исправить.

Я откинулась на спинку стула.

Ольга тихо вздохнула.

Я заметила.

— Что?

Она посмотрела на меня.

— Ничего.

— Оля.

— Ты сама попросила независимую оценку.

Мне захотелось немедленно напомнить ей, что она моя подруга.

Что знает, через что я сейчас прохожу.

Что могла бы хотя бы сегодня быть на моей стороне.

Но я вовремя остановилась.

Ольга не выступала против меня.

Она отвечала на профессиональный вопрос.

Именно этого я потребовала от Ильи накануне.

Инна перевернула страницу.

— Давайте сделаем иначе. Разделим административную координацию, работу с пациентами и медицинские решения. Посмотрим, какие задачи действительно требуют участия кардиолога, а какие можно передать сотрудникам с соответствующими полномочиями.

Я глубоко вдохнула.

— Хорошо.

Сергей Павлович подвинул ко мне чистый лист.

— Начнем с обычной недели.

Я взяла ручку.

И впервые за долгое время начала считать не то, сколько работы я способна выполнить, а сколько времени на нее действительно требуется.

Через час у нас получилось совсем другое расписание.

Часть задач можно было передать медицинской сестре-координатору. Для этого требовалось выделить ей определенные часы и закрепить обязанности.

Административную запись пациентов и напоминания о времени занятий следовало организовать отдельно, а не оставлять на моем личном телефоне.

Медицинские вопросы оставались у врачей.

Согласование работы команды — у назначенного координатора программы.

Мне предстояло контролировать качество медицинской части и участвовать в обсуждении сложных случаев, но вовсе не обязательно было самостоятельно звонить каждому пациенту, если он перепутал время.

Все выглядело настолько разумно, что я начала злиться уже на себя.

— Не понимаю, почему мы раньше этого не сделали, — пробормотала я.

— Потому что ты привыкла все тащить на себе, — сказала Ольга.

Я посмотрела на нее.

— Спасибо за деликатность.

— Всегда пожалуйста.

Инна улыбнулась.

— На самом деле это распространенная проблема новых проектов. Пока участников немного, многое держится на энтузиазме конкретных людей. При расширении такой подход перестает работать.

— Я это прекрасно знаю, — сказала я.

Ольга кашлянула.

— Теоретически.

Я бросила на нее взгляд.

Она невинно улыбнулась.

Сергей Павлович даже не поднял головы.

— Коллеги, я могу заложить в расчет дополнительную занятость координатора. Но нужно, чтобы вы согласовали конкретные обязанности и количество часов.

Инна кивнула.

— Сделаем.

Я записала замечания.

В какой-то момент поймала себя на неожиданной мысли.

Если бы этот же разговор состоялся месяц назад, я бы после совещания пошла к Илье и попросила его помочь убедить Ракитина.

Он бы посмотрел расчеты.

Нашел слабые места.

Возможно, поговорил бы с генеральным директором.

Я получила бы нужное решение и вечером поблагодарила мужа.

А теперь сидела за столом с тремя специалистами и сама обсуждала, как исправить проект.

Без его участия.

И это оказалось вполне возможно.

— Марина Юрьевна, — позвала Инна.

Я подняла голову.

— Да?

— Согласны с предложенным распределением?

Я посмотрела на таблицу.

— Да. Но хочу уточнить еще один момент.

— Какой?

— Если мы откроем вечерние занятия, понадобится не просто изменить время приема. Нужно согласовать доступность всей команды, помещения и порядок наблюдения за пациентами. Иначе получим дополнительные окна только на бумаге.

Ольга одобрительно кивнула.

— Вот об этом я и говорю уже две недели.

— Ты говоришь об этом значительно эмоциональнее, — заметила я.

— Потому что меня никто не слушает.

— Мы тебя слушаем.

— Тогда запишите еще, что две группы подряд без нормального перерыва я вести не буду.

Инна открыла ежедневник.

— Записываю.

Мы рассмеялись.

Напряжение постепенно уходило.

Я начала задавать вопросы не для того, чтобы защититься, а чтобы действительно найти решение.

К концу встречи у нас появился список конкретных изменений.

Инна закрыла папку.

— Хорошо. Дорабатываем расчет, согласовываем нагрузку, затем снова передаем на рассмотрение.

Я кивнула.

— До среды успеем.

— Только если не будете делать все одна.

Я встретилась с ней взглядом.

— Поняла.

Ольга выразительно посмотрела на меня.

— Я свидетель.

— Ты невыносима.

— Зато полезна.

Она собрала бумаги.

Мы вышли из конференц-зала вместе.

В коридоре Ольга остановилась возле автомата с кофе.

— Будешь?

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты сейчас начнешь объяснять, что я должна перестать работать по вечерам.

Она посмотрела на меня.

— А ты собиралась?

Я вздохнула.

— Собиралась пересчитать таблицу дома.

— Ну вот.

— Оль, у нас срок до среды.

— У нас, Марин. Не у тебя одной.

Я хотела возразить.

Но не нашла подходящих слов.

Подруга нажала кнопку автомата.

— Возьми хотя бы капучино. Тебе полезно иногда просто постоять пять минут.

Я посмотрела на часы.

До следующего приема оставалось двадцать минут.

— Ладно.

Ольга довольно улыбнулась.

— Видишь? Умеешь принимать разумные решения.

Я забрала стаканчик и сделала глоток.

Кофе оказался слишком горячим.

Я обожгла язык.

— Черт.

Ольга засмеялась.

— Вот теперь ты точно стала человеком, который умеет отдыхать.

После обеда я обнаружила в рабочей почте письмо от Ильи.

Тема была короткой.

«Расчеты по программе».

Я открыла его.

«Марина Юрьевна, прошу направить скорректированный вариант после согласования с Инной Валерьевной и финансовым отделом. Предварительное решение об объемах расширения примем после рассмотрения обновленных данных».

Подпись.

Должность.

Телефон.

Никаких личных слов.

Я перечитала письмо.

Потом еще раз.

С профессиональной точки зрения придраться было не к чему.

Это раздражало.

Мне хотелось, чтобы Илья оказался неправ.

Хотелось обнаружить в его замечаниях мелочность, несправедливость или хотя бы желание усложнить мне работу.

Тогда можно было бы злиться на него еще и за это.

Но независимая оценка подтвердила недостатки расчета.

Я открыла новый документ и начала вносить изменения.

Через полчаса поймала себя на том, что уже составляю список задач на субботу.

Нужно уточнить графики.

Пересчитать время.

Подготовить сопроводительную записку.

Сверить показатели пилота.

Еще можно было посмотреть материалы конференции, на которую я собиралась подать заявку.

Я записала все это в блокнот.

Потом вспомнила слова Инны.

Не делать все одной.

Я остановилась.

Выделила задачи, требующие участия других сотрудников.

Написала Ольге просьбу подготовить расчет времени специалистов по реабилитации.

Инне — уточнить административные часы.

Сергею Павловичу — проверить финансовую часть после получения окончательных данных.

Себе оставила медицинское обоснование и общую структуру программы.

Список стал короче.

Настолько короче, что я некоторое время смотрела на него с подозрением.

Неужели действительно можно работать таким образом?

И почему я столько лет считала нормальным постоянно оставаться последней в отделении?

Телефон завибрировал.

Сообщение от Ильи.

На этот раз личное.

«Марин, я забрал вещи из химчистки. Там твое пальто. Могу передать».

Я закрыла глаза.

Пальто.

Разумеется.

Наши жизни состояли из сотен подобных мелочей.

Я написала:

«Спасибо. Оставь, пожалуйста, в квартире. Заберу вместе с остальными вещами».

Через минуту пришел ответ.

«Хорошо. Ты сегодня как?»

Я смотрела на экран.

Вопрос был простым.

Но отвечать на него оказалось трудно.

Как я?

Сегодня утром злилась на мужа.

Потом на Инну.

Потом на собственную таблицу.

Сейчас сидела за столом и почему-то очень хотела услышать его голос.

Рассказать, что мы нашли решение с нагрузкой.

Пожаловаться на Ольгу.

Пошутить о том, что финансовый аналитик способен за десять минут разрушить полтора месяца оптимистичных расчетов.

Раньше я непременно рассказала бы все это Илье за ужином.

Он выслушал бы.

Возможно, посмеялся.

Спросил бы, почему я не подумала о некоторых вещах раньше.

Я бы обиделась.

Потом мы помирились.

Но теперь такой разговор означал бы не просто обсуждение работы.

Он стал бы очередной попыткой вернуться к близости, к которой я еще не была готова.

Я ответила:

«Устала. Рабочий день продолжается».

Илья прочитал.

Ничего не написал.

Через несколько минут я сама открыла переписку.

Посмотрела на его последнее сообщение.

Потом убрала телефон в ящик стола.

Мне пришлось буквально заставить себя вернуться к документам.

Вечером я приехала в новую квартиру около семи.

По дороге купила продукты.

Ничего особенного: курицу, овощи, сыр, хлеб и упаковку ягод.

Возле кассы вспомнила, что дома нет соли.

Вернулась.

Потом оказалось, что я забыла растительное масло.

Я стояла посреди магазина с корзиной в руках и вдруг рассмеялась.

Прежде такие вещи почти никогда не приходилось покупать отдельно.

Дома всегда что-нибудь было.

Обычно я составляла список, а Илья по дороге заезжал в супермаркет. Иногда покупал совершенно не то, что требовалось.

Вместо обычного сыра приносил дорогой выдержанный.

Вместо двух яблок — целый пакет.

Однажды вместо бумажных полотенец купил упаковку салфеток для автомобилей.

Мы потом неделю смеялись.

Я улыбнулась.

И тут же почувствовала боль.

Даже покупка соли напоминала о нем.

Вернувшись домой, я разобрала продукты.

Открыла холодильник.

Поставила воду для пасты.

Включила музыку на телефоне.

Тихо.

Просто чтобы квартира перестала казаться такой пустой.

Пока готовился ужин, я достала ноутбук.

Открыла рабочую папку.

Посмотрела на таблицу.

Потом перевела взгляд на плиту.

Вода уже закипела.

Я закрыла ноутбук.

Положила его на полку.

И впервые за много месяцев решила не работать вечером.

Это оказалось сложнее, чем я ожидала.

Руки постоянно тянулись к телефону.

В голове возникали вопросы.

Не забыла ли я отправить письмо?

Что там с графиком медсестры?

Не стоит ли сразу подготовить замечания для Ракитина?

Я остановила себя.

Рабочий день закончился.

Программа никуда не исчезнет до понедельника.

Я приготовила ужин.

Села за стол.

И обнаружила, что не знаю, чем заняться дальше.

Телевизора в квартире пока не было.

Книгу я читала по вечерам редко, хотя раньше любила.

В телефоне — рабочая переписка, новости, несколько фотографий и сообщения от людей, которым я почти не отвечала последние недели.

Я открыла список контактов.

Нашла имя старой подруги, с которой мы познакомились еще в институте.

Наташа жила в Ярославле, работала переводчиком и последние полгода безуспешно пыталась вытащить меня куда-нибудь по выходным.

Каждый раз я отказывалась.

Работа.

Усталость.

Планы с Ильей.

Его внезапное совещание.

Моя подготовка к очередному отчету.

Я написала:

«Наташ, привет. Ты свободна в воскресенье? Может, сходим куда-нибудь?»

Ответ пришел почти сразу.

«Марина Ланская собственной персоной? Кто украл твой телефон?»

Я улыбнулась.

«Никто. Просто хочу выбраться».

«Я в шоке. Конечно свободна. Кофе, выставка или сразу шампанское?»

Я подумала.

«Давай кофе и выставку».

«А потом шампанское. Даже не спорь».

Я рассмеялась.

Договорились встретиться в воскресенье.

Я положила телефон на стол.

Посмотрела на пустую кухню.

Впервые за долгое время у меня появились планы на выходной, которые не требовалось ни с кем согласовывать.

Это было приятно.

И почему-то немного страшно.

В понедельник я пришла в клинику с готовым медицинским обоснованием изменений.

Ольга уже прислала свои расчеты.

Инна согласовала дополнительные часы.

Финансовый отдел подготовил предварительную оценку расходов.

Мы двигались быстрее, чем я ожидала.

К обеду мы почти подготовили документы для отправки главному врачу.

Оставалось уточнить вечернее расписание.

Именно здесь возникла новая проблема.

Один из специалистов не мог работать после шести.

Другой соглашался на поздние часы только два раза в неделю.

Кабинет для групповых занятий был занят по вторникам.

Получалось, что идея вечерних окон существует, но собрать под нее людей и помещение не так просто.

Ольга стояла у доски в моем кабинете и чертила новую схему.

— Если поставить группу на среду, то у нас пересечение с другим занятием.

— А четверг?

— В четверг у меня консультации до половины седьмого.

— Их можно перенести?

Она повернулась.

— Марин.

Я подняла глаза.

— Что?

— Ты опять начинаешь передвигать чужое расписание так, будто у всех свободное время.

Я нахмурилась.

— Я просто рассматриваю варианты.

— Тогда рассмотрим и тот, при котором мы сначала спрашиваем специалистов.

Я выдохнула.

— Хорошо.

Она посмотрела на меня и смягчилась.

— Я понимаю, что тебе хочется быстрее все запустить. Мне тоже. Но если мы опять построим программу на личных уступках, через месяц начнем ненавидеть друг друга.

— Уже начинаешь?

— Пока нет. Но я внимательно слежу за ситуацией.

Я улыбнулась.

Ольга тоже.

Мы договорились собрать короткую встречу со всеми, чьи часы затрагивало расширение.

Никаких обещаний за чужой счет.

Никаких решений без согласования.

Я записала время совещания.

И вспомнила собственную семейную жизнь.

Сколько раз я соглашалась с планами Ильи, даже не успев понять, подходят ли они мне?

Сколько раз переносила свои дела, потому что он уже что-то решил?

А теперь сама пыталась поступить так с коллегами.

От этого открытия стало неприятно.

Я всегда считала себя внимательной к другим людям.

Но даже хороший замысел не давал права распоряжаться чужим временем.

Виктор Петрович Осипов пришел ко мне во вторник.

Я уже подготовила для него предварительные варианты расписания, но окончательных договоренностей пока не было.

Он сел напротив и аккуратно положил на стол папку с результатами обследований.

— Марина Юрьевна, я тут подумал...

— О чем?

— Может, я вообще зря к вам с этим расписанием пристаю?

Я удивилась.

— Почему вы так решили?

— Ну, у вас, наверное, и без меня проблем хватает.

Он улыбнулся виновато.

Я посмотрела на него.

Мужчина, который несколько месяцев назад перенес тяжелое заболевание, теперь извинялся за то, что не мог посещать занятия в неудобное для себя время.

— Виктор Петрович, вы совершенно правильно подняли этот вопрос.

— Да я понимаю, что надо заниматься. Просто каждый раз отпрашиваться...

— Именно поэтому мы сейчас пересматриваем расписание. Если человеку трудно регулярно посещать программу, нам нужно искать организационное решение.

Он помолчал.

— А вы правда собираетесь делать вечерние группы?

— Мы согласовываем возможность. Пока не хочу обещать конкретные дни.

— Понимаю.

Он открыл папку.

— Я вот еще хотел спросить...

Мы обсудили результаты обследований и его самочувствие.

Он выполнял рекомендации, постепенно возвращался к привычной активности и старался не перегружаться.

В конце приема Виктор Петрович вдруг произнес:

— Знаете, я раньше думал, что если человек заболел, ему обязательно надо все бросить и сидеть дома.

Я подняла голову.

— Почему?

— Так отец говорил. Он после своей болезни вообще перестал куда-либо ходить. Считал, что лучше ничего не делать, чем рисковать.

Я слушала.

— А мне тяжело без работы, — продолжил он. — Не из-за денег даже. Просто привык, что утром есть куда идти. Что от меня что-то зависит.

Он смутился.

— Глупо, наверное.

— Совсем не глупо.

Я отложила ручку.

— Важно найти такую нагрузку и такой режим, которые подходят вашему состоянию. С этим мы и работаем. Не нужно выбирать между полным бездействием и прежним темпом.

Виктор Петрович кивнул.

— Вот я и хочу научиться нормально жить дальше.

После его ухода я долго смотрела на закрытую дверь.

Нормально жить дальше.

Как просто это звучало.

И как сложно было сделать.

Я тоже пыталась научиться.

Только моя проблема не имела отношения к кардиологии.

В среду мы окончательно согласовали новый вариант.

На этот раз вечерние занятия были поставлены в расписание после обсуждения с каждым специалистом.

Дополнительное время координатора внесли в расчет.

Обязанности распределили.

Показатели программы уточнили, чтобы не обещать больше, чем команда действительно способна обеспечить.

Общий бюджет вырос.

Но теперь было понятно, за что именно клиника должна платить.

Я еще раз проверила документы.

Потом отправила их Инне.

Она ответила через двадцать минут:

«Согласовано. Передаю на рассмотрение главному врачу и генеральному директору».

Я сидела перед экраном и смотрела на письмо.

Работа, которая еще неделю назад казалась почти разрушенной, снова двигалась вперед.

И впервые за долгое время я не чувствовала, что обязана сделать все сама.

Ближе к вечеру Инна позвонила.

— Марина Юрьевна, можете зайти?

Я взяла блокнот.

Когда вошла, у нее сидел Ракитин.

Генеральный директор был мужчиной лет пятидесяти шести, с аккуратной сединой и привычкой задавать вопросы так, будто уже знал половину ответов.

Он редко вмешивался в медицинские детали, но прекрасно понимал, сколько стоит каждый дополнительный час работы.

— Марина Юрьевна, присаживайтесь, — сказал он.

Я села.

Ракитин положил перед собой распечатку.

— Посмотрел ваш новый расчет.

Я приготовилась защищаться.

— Да.

— Дороже предыдущего.

— Да.

Он поднял глаза.

— Зато теперь я хотя бы понимаю, откуда взялись цифры.

Я неожиданно улыбнулась.

— Мы пересмотрели нагрузку сотрудников.

— Вижу. Особенно координацию.

Он постучал пальцем по таблице.

— Кто предложил выделить ее отдельно?

— После замечаний главного врача мы провели независимую оценку. Инна Валерьевна помогла разделить обязанности, Ольга Денисовна рассчитала время специалистов, финансовый отдел проверил расходы.

Ракитин кивнул.

— Хорошо. А вы?

Вопрос застал меня врасплох.

— Что я?

— Ваша часть работы?

Я выпрямилась.

— Медицинское обоснование, общая структура программы, критерии включения пациентов, организация наблюдения и оценка результатов.

— Вот это мне и нужно было услышать.

Он закрыл папку.

— Марина Юрьевна, мне не нужен проект, который держится на одном человеке. Даже если этот человек очень любит свою работу.

Я молчала.

— Если вы завтра заболеете или уйдете в отпуск, программа должна продолжить работать. Иначе мы не сможем ее развивать.

Я посмотрела на Инну.

Она едва заметно улыбнулась.

Ракитин продолжил:

— В целом предложенный вариант разумен. Но я хочу увидеть результаты первых недель после изменения расписания. Без обещаний чудес.

— Конечно.

— И подготовьте короткий отчет о том, как у вас сейчас организована передача задач. Мне важно понимать, что люди не будут постоянно работать сверх нормы.

Я кивнула.

— Сделаем.

Он поднялся.

— Тогда я согласен с поэтапным расширением при условии окончательного утверждения медицинской части и бюджета.

Я почувствовала такое облегчение, что едва не рассмеялась.

— Спасибо, Денис Аркадьевич.

Он посмотрел на меня поверх очков.

— Пока благодарить рано. Теперь вам предстоит показать, что новый порядок действительно работает.

— Понимаю.

— Вот и прекрасно.

Когда он вышел, я осталась сидеть.

Инна закрыла ежедневник.

— Ну что?

Я посмотрела на нее.

— Кажется, получилось.

Она улыбнулась.

— Получилось. Но не потому, что мы любой ценой защитили первоначальный расчет.

Я опустила глаза.

— Да. Я уже поняла.

— Это нормально — ошибаться на этапе планирования. Главное, чтобы ошибка не превращалась в принцип.

Я вздохнула.

— Инна Валерьевна, вы можете иногда просто сказать, что я молодец?

Она рассмеялась.

— Можете считать, что я это сказала.

— Очень щедро.

— Я сегодня в хорошем настроении.

Я тоже улыбнулась.

Потом вдруг вспомнила, что Илья еще должен окончательно согласовать медицинскую часть.

И облегчение немного померкло.

Инна заметила.

— Что-то не так?

— Нет. Просто осталось утверждение главного врача.

Она кивнула.

— Да. Но у него есть все документы. Если возникнут вопросы, обсудим их на общей встрече.

Я поднялась.

— Хорошо.

У двери остановилась.

— Инна Валерьевна.

— Да?

— Спасибо, что не стали меня жалеть.

Она посмотрела на меня внимательно.

— Я могу сочувствовать вашим личным обстоятельствам и одновременно требовать качественной работы. Одно другому не мешает.

Я кивнула.

И вышла с неожиданно спокойным сердцем.

Илья пригласил меня на короткое совещание на следующий день.

Встреча проходила в том же конференц-зале, где мы разбирали первоначальные ошибки.

Присутствовали Инна, Ольга, финансовый аналитик и руководитель административной службы.

Я пришла заранее.

Разложила документы.

Проверила презентацию.

Сделала несколько пометок.

Когда вошел Илья, разговоры стали тише.

Он поздоровался со всеми и занял место во главе стола.

На мне задержал взгляд всего на секунду.

Потом открыл папку.

— Коллеги, предлагаю пройти по окончательному варианту.

Совещание началось.

Я рассказывала о структуре программы.

Инна уточняла организационные вопросы.

Ольга объясняла, как будет распределена нагрузка специалистов по реабилитации.

Сергей Павлович отвечал за цифры.

Илья задавал вопросы.

Спокойные.

Точные.

Ни разу не вышел за рамки темы.

Я постепенно перестала ждать подвоха.

Когда дошли до вечерних занятий, я объяснила, почему мы предлагаем ограниченный запуск.

— Сначала посмотрим, насколько востребованы дополнительные часы и насколько устойчиво работает расписание. Потом сможем корректировать его на основании фактических данных.

Илья кивнул.

— Разумно.

Я продолжила.

— Еще мы разделили медицинскую и административную координацию. Теперь задачи закреплены за конкретными сотрудниками, а не выполняются по возможности.

Он посмотрел на таблицу.

— Это существенно лучше предыдущего варианта.

Я почувствовала, как кровь приливает к щекам.

Не от гордости.

От странного облегчения, которое не хотела испытывать.

Он одобрил мою работу.

И я все еще слишком сильно реагировала на его оценку.

Илья перевернул страницу.

— Отдельно хочу отметить, что после замечаний команда не стала просто увеличивать бюджет, а пересмотрела саму организацию работы. Марина Юрьевна, Инна Валерьевна, Ольга Денисовна и коллеги из финансового отдела подготовили содержательное решение.

Он посмотрел на меня.

— Хорошая работа.

Я кивнула.

— Спасибо.

И все.

Никаких особых улыбок.

Никаких намеков.

Никаких личных слов.

Он продолжил совещание.

К концу встречи медицинскую часть согласовали. Дальше оставалось оформить окончательные документы и запустить первый этап расширения.

Я собрала бумаги.

Ольга тихо сказала:

— Поздравляю.

— Спасибо.

— Теперь можешь хотя бы один вечер провести без таблиц?

Я улыбнулась.

— Попробую.

— Не верю, но надежду не теряю.

Она ушла вместе с Инной.

Я задержалась, чтобы отключить ноутбук от экрана.

Илья стоял у окна и разговаривал по телефону.

— Да, Денис Аркадьевич. Согласовали. Я направлю итоговые документы сегодня.

Он завершил звонок.

Повернулся ко мне.

— Марин.

Я подняла голову.

— Да?

Он посмотрел на закрытую дверь.

— Есть минута?

Я почувствовала, как внутри все напряглось.

— Если по работе.

Он едва заметно улыбнулся.

Грустно.

— По работе.

Я остановилась рядом со столом.

Илья подошел ближе, но оставил между нами достаточно расстояния.

— Я хотел сказать, что новый вариант действительно хороший.

— Ты уже сказал на совещании.

— Знаю. Но хотел, чтобы ты поняла: мои замечания не были попыткой тебя задеть.

Я опустила глаза.

— Я теперь это понимаю.

Он помолчал.

— Ты думала, что я придираюсь из-за развода?

— Да.

Илья медленно кивнул.

— Мне жаль, что у тебя появились основания так обо мне думать.

Я посмотрела на него.

Он не пытался убедить меня, что я несправедлива.

Не требовал извинений.

Просто признавал факт.

Это оказалось неожиданно трудно выдержать.

— В некоторых расчетах я действительно ошиблась, — сказала я.

— Да.

— Можешь хотя бы сделать вид, что собираешься меня утешить?

Он посмотрел на меня.

На секунду я увидела в его глазах знакомое веселье.

— Марина, если хочешь утешения, могу сказать, что ты ошиблась значительно меньше, чем большинство руководителей проектов на первом расширении.

Я невольно улыбнулась.

— Великолепно. Теперь мне гораздо легче.

— Рад помочь.

Мы оба тихо рассмеялись.

На несколько секунд все стало почти прежним.

Я стояла рядом с мужчиной, которого знала много лет.

Он говорил со мной тем самым сухим тоном, которым когда-то сумел меня рассмешить в машине под дождем.

Я почувствовала желание прикоснуться к его руке.

Очень сильное.

Почти физически болезненное.

Илья тоже перестал улыбаться.

Мы смотрели друг на друга.

Потом он тихо произнес:

— Марин...

Я отступила.

— Мне пора.

Он не двинулся.

— Хорошо.

Я взяла ноутбук.

У двери остановилась.

— Спасибо за замечания. Они были обоснованными.

Илья посмотрел на меня.

— Спасибо, что их учла.

Я кивнула.

— До завтра.

— До завтра.

Я вышла.

Только в лифте позволила себе прислониться к стене.

Сердце билось быстро.

Я ненавидела это.

Не его улыбку.

Не голос.

А то, что после всего случившегося какая-то часть меня все еще хотела остаться рядом.

В пятницу вечером я пришла домой раньше шести.

В клинике все было спокойно.

Документы по программе отправлены.

Срочные вопросы решены.

Письма разобраны.

У меня оставался целый свободный вечер.

Я стояла посреди кухни и не знала, что с ним делать.

Раньше в пятницу мы с Ильей иногда заказывали ужин домой.

Он приносил бутылку вина.

Я выбирала фильм.

Обычно он засыпал раньше середины, а я будила его и возмущалась, что смотреть кино с ним совершенно невозможно.

Потом мы перебирались в спальню.

Иногда занимались любовью.

Иногда просто разговаривали.

Я не заметила, когда такие вечера стали редкостью.

И почему не пыталась вернуть их раньше.

Телефон лежал на столе.

Мне хотелось написать Илье.

Не о разводе.

Не о Климовой.

Просто спросить, как прошел день.

Я взяла телефон.

Открыла переписку.

Последнее сообщение от него было о пальто.

Я смотрела на экран.

Потом закрыла.

Не потому, что запрещала себе скучать.

Просто понимала: если сейчас напишу, то буду ждать ответа.

Потом нового сообщения.

Потом предложения встретиться.

А я еще не была готова ни к одной из этих вещей.

Я достала из шкафа книгу.

Ту самую, которую забрала из нашей спальни.

Открыла на закладке.

Прочитала две страницы.

Вернулась к началу.

Поняла, что ничего не запомнила.

Закрыла.

Подошла к окну.

Во дворе дети катались на велосипедах.

Одна девочка пыталась научить младшего брата держать равновесие. Он постоянно съезжал с дорожки, сердился, бросал руль.

Она возвращалась к нему и терпеливо объясняла снова.

Я смотрела на них несколько минут.

Потом вдруг подумала, что могу выйти из дома.

Просто так.

Без причины.

Не за продуктами.

Не в аптеку.

Не по рабочему вопросу.

Я переоделась в джинсы и мягкий свитер, взяла сумку и вышла.

Сначала дошла до ближайшей кофейни.

Заказала капучино.

Села у окна.

Посмотрела на людей.

Потом написала Наташе.

«Ты сегодня свободна?»

Она ответила через минуту.

«После восьми. Что случилось?»

«Ничего. Просто хочу погулять».

«Марина, ты меня пугаешь. Второй раз за неделю зовешь куда-то сама».

Я улыбнулась.

«Привыкай».

«Вот теперь серьезно интересно. В восемь у театра?»

«Договорились».

Я убрала телефон.

Сделала глоток кофе.

И впервые за много дней почувствовала, что у меня впереди может быть не только тяжелый разговор или очередное рабочее совещание.

Может быть обычный приятный вечер.

Без Ильи.

Эта мысль принесла облегчение.

А следом — вину.

Я сидела в кофейне, пила капучино и собиралась гулять с подругой, хотя еще совсем недавно мой муж признался в измене.

Разве я имела право так быстро почувствовать себя лучше?

Я даже рассердилась на себя за этот вопрос.

Развод не требовал круглосуточных страданий.

Илья не становился менее виноватым оттого, что я улыбалась.

Мои чувства к нему не исчезали только потому, что мне хотелось выйти из дома.

Я допила кофе.

Посмотрела на часы.

До встречи оставалось полчаса.

И пошла пешком.

Наташа встретила меня возле театра с таким выражением лица, будто собиралась брать интервью у редкого животного.

— Так, — сказала она вместо приветствия. — Кто ты и что сделала с моей подругой?

Я рассмеялась.

— Здравствуй.

Она обняла меня.

Крепко.

Потом отступила и внимательно посмотрела в лицо.

— Ты похудела.

— Немного.

— И глаза у тебя усталые.

Я отвела взгляд.

— Последние недели непростые.

Наташа перестала улыбаться.

— Марин, что случилось?

Я помолчала.

Мы с ней были знакомы со студенческих лет.

Она знала меня еще до Ильи.

До клиники.

До того, как я стала главным образом женой главного врача и руководителем маленького медицинского проекта.

Рядом с ней было странно легко.

— Мы разводимся, — сказала я.

Наташа остановилась.

— С Ильей?

— Да.

Она несколько секунд смотрела на меня.

— Он что, совсем с ума сошел?

Я невольно улыбнулась.

— Возможно.

— Что произошло?

Я рассказала.

Не все.

Без подробностей, которые до сих пор не хотела произносить вслух.

Но достаточно.

Наташа слушала молча.

Когда я закончила, она выдохнула.

— Три месяца?

Я кивнула.

— С сотрудницей вашей клиники?

— Да.

Она закрыла глаза.

— Марина, я сейчас скажу что-нибудь очень некрасивое.

— Не надо.

— Я постараюсь.

Мы медленно пошли по улице.

Некоторое время Наташа молчала.

Потом спросила:

— Ты как?

Я посмотрела на нее.

— Иногда нормально. Иногда ужасно. Иногда мне хочется ему позвонить.

— Это неудивительно.

— А иногда хочется выбросить все его вещи из окна.

Наташа кивнула.

— Вот это мне уже нравится.

Я рассмеялась.

Она тоже.

Потом взяла меня под руку.

— Слушай, я не буду сейчас говорить тебе, что все к лучшему. Потому что понятия не имею, к лучшему ли это.

— Спасибо.

— Но я хочу, чтобы ты помнила: у тебя есть жизнь и за пределами Ильи.

Я посмотрела на нее.

— Знаю.

— Не уверена. Ты последние годы почти никуда не выбиралась. Работа, дом, его график. Мы с тобой даже на выставку полгода собирались.

Я вздохнула.

— Я была занята.

— Я знаю. Только мне иногда казалось, что ты занята даже тогда, когда свободна.

Мы остановились на перекрестке.

Я задумалась.

— Наверное, так и было.

Наташа посмотрела на меня.

— И что теперь?

Я пожала плечами.

— Пока не знаю.

Она улыбнулась.

— Тогда начнем с малого. Сегодня просто гуляем. Потом я покажу тебе одно место, где делают совершенно неприличные десерты.

— Неприличные?

— В смысле размера и количества крема. Не смотри на меня так.

Я рассмеялась.

Мы перешли дорогу.

И пошли дальше.

Говорили обо всем.

О ее работе.

О новом спектакле.

О смешном случае в магазине.

О том, что я давно хотела сменить прическу, но никак не могла решиться.

Наташа предложила познакомить меня со своим парикмахером.

Я сказала, что пока не готова к большим переменам.

Она посмотрела на меня.

— Марина, это волосы. Не переезд в другую страну.

Я улыбнулась.

— После последних событий мне даже волосы кажутся серьезным решением.

— Тогда начнем с десерта.

И мы действительно пошли есть огромный кусок торта.

Я не помнила, когда в последний раз так много смеялась.

Вернувшись домой почти в одиннадцать, я сняла обувь, прошла на кухню и увидела телефон.

На экране было сообщение от Ильи.

«Добрый вечер, Марин. Инна сказала, что документы по программе уже отправлены Ракитину. Поздравляю. Ты проделала большую работу».

Я прочитала.

Потом ответила:

«Спасибо. Команда тоже очень помогла».

Он написал:

«Я знаю. Но идея была твоя».

Я улыбнулась.

И сразу почувствовала, как щемит сердце.

Несколько секунд смотрела на экран.

Потом положила телефон.

Не ответила.

Потому что сегодня у меня был хороший вечер.

И мне хотелось сохранить его таким.

В последнюю неделю сентября мы начали готовиться к первому этапу расширения.

Ольга согласовала окончательные часы.

Инна распределила административные обязанности.

Я проверила медицинские документы и материалы для сотрудников.

Виктор Петрович Осипов пришел на очередной прием с неожиданно хорошим настроением.

— Марина Юрьевна, — сказал он, едва сев, — Ольга Денисовна мне уже рассказала про новые часы.

Я улыбнулась.

— Пока это пробный вариант.

— Но они же появились?

— Да.

Он довольно кивнул.

— Вот и прекрасно.

Мы обсудили его самочувствие.

Он рассказал, что после изменения рабочего расписания смог несколько раз подряд посетить занятия без необходимости отпрашиваться с работы.

— Даже начальник удивился, — сказал Виктор Петрович. — Говорит, давно пора было так сделать.

Я улыбнулась.

— Надеюсь, новый график будет удобен не только вам.

— Думаю, будет. У нас многие жаловались, что днем трудно.

Я сделала пометку.

В этом и заключался смысл изменений.

Не в красивой таблице.

Не в том, чтобы убедить Ракитина.

А в том, чтобы реальному человеку было проще получать необходимую помощь.

После приема я вышла в коридор.

Ольга как раз разговаривала с медсестрой.

Увидев меня, подняла руку.

— Марин, у нас сегодня первая вечерняя группа. Придешь посмотреть, как все организовано?

— Приду.

— Только без попытки самостоятельно переставлять стулья и заполнять все журналы.

Я рассмеялась.

— Обещаю.

— Я серьезно.

— Я тоже.

Она покачала головой.

— Посмотрим.

Вечером я действительно пришла.

Не вмешивалась в работу специалистов.

Проверила только те организационные вопросы, которые относились к моей ответственности.

Посмотрела, как работает новый порядок.

Увидела, что сотрудники справляются.

И неожиданно испытала настоящее удовольствие от того, что ничего не нужно срочно исправлять собственными руками.

Ольга подошла ко мне после завершения занятий.

— Ну что?

Я улыбнулась.

— Кажется, работает.

Она довольно кивнула.

— Представляешь?

Я посмотрела на нее.

— Спасибо.

— За что?

— За то, что не дала мне снова сделать все самой.

Ольга улыбнулась.

— Всегда пожалуйста. Но имей в виду, это не бесплатная услуга.

— Сколько я должна?

— Ужин в хорошем ресторане.

Я рассмеялась.

— Договорились.

В тот же вечер я отправила заявку на медицинскую конференцию.

Организаторы принимали доклады о практическом опыте развития амбулаторных программ.

Я давно думала представить результаты нашего пилота.

Но каждый раз откладывала.

Казалось, что работа еще недостаточно завершена.

Нужно больше участников.

Больше наблюдений.

Более убедительные показатели.

Сейчас я смотрела на материалы и понимала: нам уже есть о чем рассказать.

Не о невероятном прорыве.

О реальной организации помощи.

О трудностях, которые возникли.

О том, какие решения оказались полезными.

Я подготовила тезисы, отдельно указала вклад команды и проверила, чтобы в материалах не было персональных данных пациентов.

Потом перечитала заявку.

На экране стояло:

«Докладчик: Ланская Марина Юрьевна».

Я задержала взгляд на фамилии.

Развод еще не был оформлен.

По документам я оставалась Ланской.

Но через несколько недель собиралась снова стать Резниковой.

Я открыла форму.

Посмотрела на поле с фамилией.

Потом оставила данные как в действующих документах.

После официальной смены фамилии их можно будет обновить.

Мне вдруг стало спокойно.

Не обязательно менять все сразу.

Не обязательно за один вечер стать другим человеком.

Я отправила заявку.

Подтверждение пришло автоматически.

Я сохранила письмо.

Затем закрыла ноутбук.

Пошла на кухню.

Налила себе чай.

И села у окна.

Во дворе уже зажглись фонари.

Сентябрь заканчивался.

Месяц назад я еще жила с мужем.

Просыпалась рядом с ним.

Обсуждала отпуск.

И понятия не имела, что он три месяца встречается с другой женщиной.

Теперь у меня была съемная квартира.

Заявление о разводе.

Работа, которую я продолжала любить.

И странное ощущение, что жизнь, которую я считала разрушенной, постепенно начала приобретать новую форму.

Не ту, которую я хотела.

Но все-таки мою.

Телефон завибрировал.

Я посмотрела на экран.

Незнакомый номер.

Сначала подумала, что звонит пациент по рабочему вопросу, хотя личный телефон я старалась для этого не использовать.

Но это было сообщение.

Я открыла его.

«Марина Юрьевна, здравствуйте. Это Елена Климова. Простите, что пишу вам лично. Я понимаю, что вы не хотите со мной разговаривать, но мне кажется, вы должны знать кое-что о ваших отношениях с Ильей Андреевичем. Он говорил мне вещи, о которых вы, возможно, не подозреваете. Я хотела бы объяснить свою сторону произошедшего. Если согласитесь, давайте встретимся вне клиники».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.